

Сергей Минаев

MEDIA SAPIENS

Повесть о третьем сроке

Сергей Минаев
Media Sapiens. Повесть о третьем сроке

Текст предоставлен изд-вом
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=143584
Media Sapiens. Повесть о третьем сроке: АСТ; Москва; 2007
ISBN 978-5-17-042955-4

Аннотация

Талантливому специалисту по пиару, «медийщику», в принципе все равно, на кого работать, – он фанатик самой медиа, то есть СМИ. Поэтому он переметнулся из одного лагеря в другой, разрабатывая изощренные схемы PR-ходов, вплоть до «информационного теракта».

В конце концов он сам становится жертвой PR-акции, где люди гибнут уже всерьез...

«Когда из стеклянных дверей метро выплеснулась на улицу первая порция людей, готовящихся начать трудовой день, где-то слева бухнул взрыв. То есть сначала никто и не понял, что это был взрыв. Просто какой-то достаточно громкий хлопок и все. Затем, когда пространство затянуло едким дымом, и раздались первые женские визги „человека гранатой убили“, началась всеобщая паника. Толпа бросилась в разные стороны, гонимая общим страхом».

Содержание

НАЧАЛО	4
КОПИРАЙТЕР	5
ФРИЛАНСЕР	19
РАБОТОДАТЕЛЬ	30
«ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ»	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Минаев

Media Sapiens

Повесть о третьем сроке

НАЧАЛО

Нам стоит бояться лишь того, что мы можем не услышать самих себя.

Ноабен Шиа

Чем чудовищнее солжешь, тем скорее тебе поверят. Рядовые люди скорее верят большой лжи, чем маленькой. Это соответствует их примитивной душе. Они знают, что в малом они и сами способны солгать, ну а уж очень сильно солгать они постесняются. Большая ложь даже просто не придет им в голову. Вот почему масса не может себе представить, чтобы и другие были способны на слишком уж чудовищную ложь. И даже когда им разъяснят, что дело идет о лжи чудовищных размеров, они все еще будут продолжать сомневаться и склонны будут считать, что, вероятно, все-таки здесь есть доля истины...

Адольф Гитлер

Информация – это данные, которые меняют нас.

Стаффорд Бил

Неужели были те времена, когда не существовало ни тебя, ни меня, ни даже телевизора?

Медиаструктуры гораздо умнее людей, иначе как вы объясните тот факт, что аудитория продолжает позволять манипулировать собой и слепо верит во все глупости и надувательства, которые ей каждый день сообщают экраны телевизоров, интернет-страницы и радиоволны?

Медиа разумна. Просто примите это на веру. В очередной раз. Ведь так гораздо проще. Для всех.

Для всех?

КОПИРАЙТЕР

Мы помогли сами себе, занимаясь реальными вещами, а не иллюзиями.

Йозеф Геббельс

Ноябрь 2004 года, Москва.

За четыре года до выборов Президента РФ.

«...It's a CNN international. People, countries, opinions. Our view on the most principle events in the world. You'll see all of them – first...»

Я слышу бодрый голос телеведущего программы новостей на CNN. Чертов таймер! Ведь ставил же! На самом деле электроника достала. Вероятно, стоит заставлять себя вставать с кровати, вырубать телевизор, а уж потом спокойно засыпать. И главное, как обычно телевидение разносит мой сон вдребезги, только когда снится что-то реально хорошее. Так. А что мне снилось-то? Куда-то летел «Сингапурскими авиалиниями», азиатские стюардессы, рядом телочка какая-то, кажется русская. Или не «Сингапурскими»? Как же обидно все-таки.

Я лежу с закрытыми глазами и пытаюсь упорядочить обрывки своего сна, чтобы получить более-менее четкую картину, но куда там! Что характерно, все гадости, кошмары и страшные сны я помню до мелочей, а хорошие грезы пролетают, как мухи. Вроде бы до последней секунды ты находился в ярких декорациях, был участником какого-то действия и врубался в сценарий, и – бах! Как будто ничего не было. Глаза открывать не хочется. При снятся мне еще луноликие азиатки или нет? Интересно, который час? Сколько еще до утра?

Стоп! Нет, не может быть! Я махом открываю глаза и утыкаюсь в мерцающий экран телевизора, на котором девушка в деловом костюме озвучивает биржевые котировки. Я медленно поворачиваю голову в сторону часов и вижу электронные цифры: 08.15. Утро уже наступило...

Если бы на потолке моей комнаты вдруг оказалась телекамера, то глазам любопытных зрителей открылась следующая картина. В постели, на смятых простынях, наполовину укрытый одеялом, лежит человек. Тело его изогнуто неестественным образом, будто он и не спал вовсе, а упал с Останкинской башни, расплющился о землю, вроде кота из мультфильма «Том и Джерри», а потом кто-то взял его, как лист фанеры, и перенес в кровать. Человек выжил, благодаря каким-то сверхъестественным обстоятельствам. Как, он и сам не понял. Оттого и лежит сейчас, с всклокоченными волосами и тупым удивлением на лице. Лежит и подозрительно смотрит на мир широко раскрытыми красными глазами, ожидая чего-то. То ли прихода врачей «скорой помощи», то ли появления чертей, которые потащат его прямо в ад для самоубийц, а на самом деле дилеров. Реально именно так это и выглядит.

Так вот, этот плоский чувак – я. Зовут меня Антон Дроздилов. Я не падал с Останкинской башни (хотя и был вчера в Останкино), я действительно похож на лист фанеры (такой же тупой по утрам) и я не жду никаких чертей или санитаров (хотя последние, весьма вероятно, мне скоро понадобятся), а еще я пассивный педераст и мне это нравится. Я просто лежу в своей постели в это ужасное, холодное, мерзкое и депрессивное московское утро. С добрым утром, страна! Хочешь ли ты этого или нет, но я проснулся.

Утро – самое отвратительное время суток. Я его ненавижу. Особенно зимой. Я не знаю, где старик Пушкин брал эти лучи солнца, освежающий морозец и пение зимних птах. Не исключено, что он уже с утра начинал бухать, а через бокал шампанского любое время суток очаровательно. Я встаю, подхожу к окну. «Вечор ты помнишь? Вьюга злилась. А нынче посмотри в окно». Посмотрел. Вечор был всяко лучше. Точнее, никакой разницы нет. На улице темно, понурые люди чистят машины, ведут детей в детские сады и школы и спешат на работу. Никто этому утру не рад. По мне, так я бы вообще начинал рабочий день в России часов с двенадцати. Все равно утром никто ничего не соображает. Реальные дела начинаются в обед, потому что наши люди до этого времени не могут втянуться в рабочий ритм. Клерки – пока не напитаются трех чашек кофе, рабочие – пока не ебнут два стакана. А людям креативных специальностей я вообще бы законом ввел начало работы в час дня. Какой прок от нас, когда мозги еще окутаны сонной дымкой? Особенно зимой. А ведь нам надобно творить...

Я принимаю душ, неровно бреюсь, иду на кухню, достаю из холодильника сок и жадно пью прямо из пакета. Потом закуриваю сигарету и смотрю в окно. По улице быстрым шагом идет парень в модном черном пальто и лакированных офисных ботинках. На ходу он разговаривает по мобильному телефону и жестикулирует. Тоже мне, реалити шоу «Офис» с переводом для глухонемых. Его жестикуляция становится все активнее, он рубит левой рукой воздух, видимо, кого-то распекая, затем ускоряет шаг, огибает припаркованную машину, поскользывается и бахается навзничь. Да так, что мобильник отлетает метра на два. Вау! Хоть чей-то начальник, наконец, сел на жопу, Жаль, что не мой, но тем не менее настроение немного улучшилось.

Я наливаю себе кофе и иду в комнату. В отличие от меня, ведущий утреннего блока CNN бодр и свеж. Он активно балаболит с гостем программы – биржевым брокером. Телевизор демонстрирует их улыбающиеся рожи, вперемежку с графиками котировок, сценами из офисов и маленькими репортажами из жизни ударников капиталистического труда. Да, сотрудники офисов тоже улыбаются. У всех по-настоящему доброе утро. До отвращения.

Появляется реклама «Тайских авиалиний». Улыбчивые стюардессы, хорошие обеды на борту, довольные пассажиры первого класса, вытянувшиеся в удобных креслах. Так значит, вот что это был за сон. Вот она – истинная сущность рекламы. Ты думаешь, что попал в волшебный сон с мулатками, тайками и морем выпивки – а в конце все оборачивается коммерческим наебалом. Я переключаю канал и вижу муллу, читающего проповедь. Щелкаю обратно на CNN, потому что боюсь исламских людей. В реальности пропаганда современных ценностей многое взяла из ислама. Бейся насмерть с врагами, и ты попадешь на небо, в райские кущи, где прислуживать тебе будут сотни гурий. В сущности, утренние каналы дают схожий message. Иди, победи всех конкурентов, посыпь их земли солью, отбери у них работу, заставь голодать их детей – и тебе гарантировано место в раю. Да! В отличие от любых религий мы не говорим о рае в конце жизни! Два раза в год ты имеешь право попасть на небеса! Стань лучшим воином – и самолет, наполненный гуриями-стюардессами, вознесет тебя на небо, где приветливый архангел-стюард предложит тебе бесплатное шампанское (если ты, конечно, заслужил первый класс). Чем не рай? Это даже лучше, чем в Святых книгах. Зачем ждать всю жизнь, если можно получить быстрорастворимые небеса здесь и сейчас? Правда, всего на четыре недели в году, но в условиях нынешней мировой экономики это уже много, ты же понимаешь. Итак, зачем ждать всю жизнь? Рай right now!

Принимая во внимание всеобщую глобализацию, смешение культур, исторических наследий и религий, у кого-то реально получится поймать все в одном флаконе. То есть в салоне. Пара-тройка арабских террористов на борту и – добро пожаловать на небо. Настоящее небо. При таком раскладе одни и вправду попадут к гуриям, а другие так и останутся с тайскими стюардессами. Но тут уж, как говорится, кто во что верил. Вот такие недобрые мысли лезут мне в голову при просмотре этой утренней бизнес-проповеди.

Я смотрю на ведущего. Мы выглядим как ровесники, хотя он точно старше, просто выглядит хорошо. Интересно, как подбирают людей на утренние эфиры? Может, такие спят днем? Или это просто специальные клонированные жаворонки? Не понимаю, как можно связно излагать что-то по утрам? Надо будет спросить на работе, по каким принципам делается кастинг для утренних блоков.

Я смотрю на себя в зеркало, потом на ведущего на экране. Мы очень разные, да что там, мы являемся полными антиподами и представляем разные сферы. Только особый прищур и огоньки в глазах делают нас похожими. Я знаю, что эти огоньки в глазах – отличительная черта работников медиа. Они возникают то ли от постоянного отблеска софитов, то ли от того, что все информационщики знают больше, чем остальные простые смертные. Интересно, замечают ли это другие? Или только я? Или, может быть, мне просто очень хотелось бы, чтобы этот огонек был только в глазах коллег? Я не знаю.

Кстати о коллегах. Позвольте представиться, я работник Средств Массовой Информации (иезуитское название, вам не кажется?). Если выражаться профессиональным языком – я медийщик. Очень приятно. Понимаю, что вам не совсем приятно или совсем неприятно. А мне как раз приятно оттого, что вам неприятно. Вот такая тавтология.

Если вы не поняли, то я вам сейчас в двух словах объяснил суть СМИ. Или медиа. Создание информационного поля. То есть вроде бы я сказал сейчас ерунду, а получилась довольно интересная конструкция. Клево? Вот этим я и занимаюсь. Я копирайтер. Иными словами, я пишу то, что этот придурок по CNN вам озвучивает. Точнее, не он, а ему подобные. Ну, на самом деле среди тех, для кого я пишу, есть много хороших и умных людей (им-то я в основном и помогаю), но иногда приходится работать и для «говорящих голов». Профессия копирайтера – самая важная (это вам любой медийщик скажет, ну или почти любой). Потому что копирайтер рождает тексты. Посему мы – этикие демиурги СМИ. Ибо в начале было слово. А уж потом появился телевизор. Это из Священного Писания, если помните.

Помните такое? Да? Вы опять попались. Потому что в Писании было только про «слово». Про телевизор я от себя добавил. А получилось так, будто в Писании эти строчки были рядом. Именно такое, аудиовизуальное ощущение, правда? Я же говорю, это медиа. Врубаются?

В общем, здравствуйте. Я – работник СМИ. Сам я никогда таким образом не представляюсь. Конечно, есть среди моих коллег люди, которые подходят к вам вплотную, жмут руку и говорят замогильным голосом «Я работник СМИ». С таким трагичным пафосом, помните, как в этом фильме про войну? Где герой остался один против дивизии немцев и вышел им навстречу со словами «Я – русский солдат». Эти тоже говорят подобными голосами. Откуда только трагизм неясно. От чересчур больших зарплат? От сострадания простым смертным, коим недоступны большинство земных благ? Да еще и визитку тут же всунут, посмотрят в глаза, удостоверюсь, что вы ее прочли. Требуют уважения к себе, суки. А на ваши письма по электронной почте будут отвечать двумя словами. Половина письма – название позиции, два слова – сам ответ. Как министерские бюрократы.

Ну, это не про меня. Я стараюсь быть ближе к людям. Так сказать, «строить свою работу не бюрократическими методами, а основываясь на живом человеческом контакте», как сказал доктор Геббельс. А он знал, как общаться с людьми. Основная проблема нашего общества – отсутствие умения общаться с людьми. Нет ее, живой человеческой связи. Не умеем.

Моя последняя мысль тут же находит подтверждение в реальности. Звонит мобильный, и вместо «Доброе утро» или дружелюбного «Антон?» я слышу вечно недовольный голос офисной секретарши Тани:

- Дроздилов, ты уже на работу едешь, я надеюсь?
- Доброе утро тем не менее, – отвечаю я, стараясь быть как можно более вежливым.
- Не уверена. Тебе еще долго ехать?

– Ну, все зависит от пробок... Я еще хотел заскочить... Дай прикинуть. Я буду через, – но договорить она уже не дает.

– Ты будешь через полчаса в кабинете Гордеева. Он звонил мне час назад, сказал, что вызывает тебя срочно.

– Но я через полчаса...

– Это твои проблемы. Все, пока. У меня вторая линия.

– Скотина хамская – бросаю я в трубку после того, как абонент отключился.

Судя по всему, начался пожар. Я быстро-быстро, перебежкой ниндзя, начинаю метаться по квартире, напяливаю на себя костюм, на ходу проверяю кошелек и пропуск и ломлюсь вниз, к машине. Какая же муха Гордеева укусила? Вроде бы все дела уже закончились, Новый год днями. Или я что-то пропустил?

Отъехав от подъезда, выруливаю за угол дома и чуть не втыкаюсь в мусоровоз. Я отчаянно давлю на сигнал, потом опускаю стекло, высовываю голову и кричу:

– Убери машину! Ты всю дорогу занял, придурок!

Ноль эмоций. Я вылезая из-за руля, подхожу к мусоровозу и рывком открываю водительскую дверь:

– Блядь, ты чего не слышишь, урод? Я на работу опаздываю из-за твоей помойки!

– Антох, ты чего, с похмелья, что ли? – из кабины на меня смотрит добродушная физиономия Васи из второго подъезда. – Чего орешь-то, я сам проехать не могу.

Я смотрю вперед и замечаю раскоряченную поперек дороги «девятку», из-за которой не может проехать Васькин мусоровоз.

– А кто это так машину бросил? – интересуюсь я.

– Да, телка какая-то. Бабки у подъезда сказали, что у нее в квартире сигнализация сработала, менты приехали, вот она и ломанулась.

– Ясно... и давно?

– С полчаса. Да сейчас выйдет, погоди.

Сзади начали сигналить.

– Хули ты дудишь, баран? Не видишь, мы сами проехать не можем – злобно огрызаюсь я в сторону невидимого барана.

– Залезай в кабину? – кивает Васька. – Посидим, покурим.

– Я на воздухе лучше, – пытаюсь я отговориться от сомнительного удовольствия посидеть в кабине мусоровоза.

– Да ладно, брось ты. В «мерседесах» да «БМВ» каждый дурак в салоне был, а в мусоровозе когда еще посидишь? – Васька смеется. Я смотрю по сторонам, нет ли поблизости кого из знакомых. Обхожу машину и залезаю в кабину:

– Высоко у тебя здесь.

– Круче, чем в джипе.

– Ну да. Интересно, когда эта сука тупая выйдет, как думаешь?

– Да выйдет скоро, Антох, ты опаздываешь куда?

– У меня совещание уже идет, а я тут из-за нее ерундой занимаюсь, – я достаю пачку сигарет, вытаскиваю одну, случайно ломаю от нервозности и беру другую, – вот падла. Сигнализация у нее сработала.

– Ты все там же? – Васька дает мне прикурить. – На телевидении?

– Спасибо. Ага. Там же.

– Ну и как? Тебя же повысили, ты говорил? Когда уже будешь всем теликом рулить?

– Угу, – киваю я, вспоминая, когда мы с Васькой последний раз виделись и чего я ему говорил. – Пока отвечаю за все информационные программы на Первом и Втором каналах. Там посмотрим.

– Слушай, я чего спросить-то хотел, – Васька плюет через открытое окно.

- Ну?
- Чего, правда, что Ходорковского перевели на урановые рудники? Типа там уровень радиации превышает норму в сто раз?
- А ты где слышал?
- Вчера Светка моя новости по Восьмому каналу смотрела, там сказали.
- Вот пиздаболы, – я выпускаю дым и отворачиваюсь к окну, раздумывая, что бы соврать Ваське, – на самом деле все это вранье. Я тебе по секрету скажу, он вообще в Майами живет.
- Это как? – Васька смотрит на меня широко раскрытыми глазами. – По телику же сказали...
- Да там скажут. Все это хуйня. Ну за неуплату налогов его пожурили, конечно, акций чуть-чуть отобрали и попросили до следующих выборов не показываться тут и не подогревать скандалы. А это народ пугают всякие гады.
- Во пиздец, – Васька выкидывает окурки в окно и от нахлынувших на него эмоций лупит меня по коленке, – не, ну ты смотри, чего творят, а?
- Фсссссс, Вась, ты аккуратнее, а? – тру я коленку. – Больно же.
- Ой, прости, я не нарочно. Слушай, ну я все равно не верю. Неужели, правда, в Майами?
- Точно тебе говорю. У меня парень знакомый в ЮКОСЕ работает. Пресс-секретарем. В это время из подъезда выбегает девица в коротком полушубке, высоких сапогах и темных очках. Девица садится в «девятку» и заводит мотор.
- Девушка, а поаккуратнее нельзя машину парковать? – кричу я ей, но она не реагирует. Видимо, шум двигателя заглушил мой вопрос.
- Вот сука тупая, – говорю я довольно громко, так как она все равно не слышит. «Девятка» сдает задом, водительское окно опускается, и оттуда высовывается голова девушки:
- Сам ты урод тупой, – отвечает она и резко трогается.
- Ха-ха-хаа, – ржет Васька, – во дает, а? Нормально она тебя, а?
- Ничего смешного, – говорю я ему и вылезаю из мусоровоза.
- Антох, ты чего обиделся, а? – Васька вылезает вслед за мной. – Ну ладно, прости, а?
- Нормально все, – я сажусь в свою машину.
- Антох, скажи по-честному, – Васька подходит к моей двери и опирается на стойку машины, – а по телику вообще правду говорят или все пиздеж?
- Вообще говорят. Иногда, – сухо замечаю я.
- А как узнать, что правда, а что вранье? – Василий делает настороженное лицо.
- Вслушиваться нужно внимательнее. Все, Вась, поехали, а то я совсем опоздаю.
- Ну ладно, спасибо. Хотя я все равно ничего не понял. Покуда, – Васька махнул мне рукой и понуро поплелся к своему мусоровозу.
- В этом и есть наша работа, – шепчу я, – чтобы ты ничего не понял.
- Я веду машину, как угорелый. Пересекаю две сплошных, пару раз проскакиваю на «красный», «подрезаю» какую-то «Газель» и несусь дальше, получая в спину истеричные гудки. Около метро «Белорусская» я «подрезаю» «Москвич» и его водитель орет мне:
- А правила ты учить не пробовал, козел?
- А телевизор в окно ты выбрасывать не пробовал, придурок?
- Такого поворота он явно не ожидал. Он удивленно пялится на меня и говорит:
- А при чем тут телевизор?
- А при том! Я на телевидении работаю. Если ты на работу опоздаешь, это говно вопрос. А если я – то вечером полстраны без новых программ окажутся.
- Во как... – мычит мужик.

Вот он – тот редкий момент, когда твоя работа вызывает отклик в сердцах зрителей. Работа на телевидении – то небольшое, что способно вызвать уважение у окружающих. Практически в любых ситуациях меня это выручает. Нет того человека, которой остался бы равнодушным, узнав, что беседует с телевизионщиком. Телевидение передает свою магию всем, кто прямо или косвенно связан с его работой: от ведущего до мастера по починке телевизоров. Благодаря этой теме можно развести любого, кроме, пожалуй, работника ГИБДД. Ну, у тех свое ежедневное реалити-шоу «Алчность», перед которым меркнет очарование любой телепередачи.

– Вот так... – отвечаю я.

Какое-то время мы едем рядом и водила «Москвича», пользуясь случаем, удовлетворяет свое любопытство:

– Слушай, мужик. А я тебя где-то видел. Точно! Лицо мне твое знакомо. Ты случаем не в «Аншлаге» работаешь?

– Ну, бываю там иногда, – уклончиво отвечаю я.

– А скажи, нельзя там Коклюшкина почаще ставить? Или эту бабу, как ее... Елену Воробей? Она нормально так хохмит.

– Мы как раз расширяем программное время «Аншлага», – натянуто улыбаюсь я, – так что их обязательно больше будем показывать. Вы извините, я тороплюсь.

– Понимаю, – мужик поднимает свое стекло. Я ускоряюсь и слышу, как он мне приветственно гудит вслед.

Вот люди, а? Если бы сказал, что на «Культуре» работаю или в новостях, то такого внимания не получил бы. А «Аншлаг» – это наше все. Реально, вместо того чтобы ломать голову над сетками вещания, нужно запустить по трем федеральным Петросяна в нон-стопе, а в перерывах давать рекламу и новости села. И вся аудитория навеки наша. Я останавливаюсь на светофоре и вижу, как ко мне снова подъезжает мужик и опускает свое стекло: «Да как же ты заебал», – думаю я.

– Это... мужик... я же хотел тебе сказать, – лицо его снова стало агрессивным.

– Да поставим мы сегодня твою Воробей, поставим, не волнуйся.

– Не, обожди, я не про то. Я же хотел сказать-то. Вы заебали со своей рекламой, понял? В натуре, смотреть невозможно. Одни, блядь, «памперсы» да «тампаксы». Вы же, думаете, мы нанялись вашу рекламу смотреть?

Тут я уже не выдерживаю. «Тампаксы» ему не нравятся, блядь такая:

– Слушай, ты, урод. Благодаря «тампаксам» твоя жена «Санта-Барбару» смотрит, а ты, урод, «спартачье» в Евролиге под пиво хаваешь, понял?

– Не, я не понял...

– А ты пойми, кретин. Пораскинь мозгами, если не пропил. Ты думаешь, что это ты со своими тупыми друзьями оплачиваешь эфирное время? Тебе, блядь, за твои сто рублей в месяц транслируют Лигу чемпионов? Да ты за всю свою никчемную жизнь на десять минут трансляции не наработал, скотина. А туда же. Реклама ему не нравится.

– Слышь, ты же, а? Ты же гонишь-то, – опешил мужик.

– Через плечо. А «Аншлаг» твой в воскресенье снимают с эфира к ебням, понял, нет? Все! Пиздец вам, колхозники. Теперь федеральные каналы будут показывать только рекламу, новости и балет. А все остальное – за бабки. Так что будешь приглашать свою любимую Воробей к себе домой, если денег хватит. Поюморит у тебя на кухне. Вы с женой и друзьями поржете. Можешь еще стриптиз у нее заказать. Или водкой угостить. До свидания, любитель юмора и сатиры.

Загорается «зеленый», и я уношусь вперед. Мужик остается стоять, переваривая информацию. Ему в спину тут же начинают сигналить остальные участники движения. Я

вижу в заднее зеркало, как он вертит башкой по сторонам, пытаюсь врубить передачу. Вид у него такой, будто его телевизором по голове треснули. Такая вот сатира.

Всю оставшуюся дорогу я размышляю над тремя вопросами: что сегодня скажет жене водила «Москвича», кого из телок удастся выгнать на дачу к Саше под Новый год и зачем я срочно понадобился Гордееву?

С водителем, в общем, все ясно – у него траур начался. С женой его и подавно. Остались телки и Гордеев. Вроде бы Гордееву я ничего не должен. Предновогодние тезисы сделал, экономическую ситуацию набросал. Чего ж с телками-то делать? Светка не поедет, Ольге можно попробовать позвонить, Людка с подругами в Египте (или врет, что с подругами, а сама с чуваком). Лариса? Надо у Сашки спросить, он ее знает лучше. Тамара. С Тамарой очень даже можно попробовать. Тамара. Тома. Тома, Тома... Бля... Вспомнил. «Тема дня» – выступление Павловского на Первом. Я же тезисы по внешней политике сегодня сдаю. Он же вроде говорил до обеда? Чего ему с утра-то приперло?

Я думаю, о чем буду врать и за какое время успею набросать «внешнюю политику». Включаю радио, бегаю по ФМ-диапазону в поисках хорошей музыки, но по всем станциям отвратительные утренние шоу. Перед подъездом к офису ведущая одного из них, заливаясь хохотом, озвучивает тему:

– О новогодних подарках. Что бы вы первым делом сказали своему начальнику, если бы он сообщил вам в преддверии Нового года, что вы уволены? – прислала нам такой вопрос Екатерина из Перми. – Хороший вопрос, правда Петя?

– Да, неплохой такой подарочек, – отвечает соведущий.

– Как вам такой вопрос, дорогие слушатели? Ответы на него вы можете присылать на наш пейджер, электронную почту или путем СМС на короткий номер...

В этот момент я подъезжаю к офису. Выключив радио, я еще несколько минут размышляю над этим идиотским вопросом для радиослушателей, затем над тем, что можно было бы ответить, передегеривая плечами, затем сплевываю три раза и выхожу из машины.

Поднявшись на свой этаж, я сразу бегу в приемную Гордеева. Увидев меня, Таня шипит из-за ресепшн:

– Он уже спрашивал два раза. Ты опоздал на десять минут.

Она поднимает трубку и сообщает:

– Федор Иванович, Дроздикив приехал. Все, поняла. Заходи.

В кабинете, кроме самого Гордеева, сидит дама из аналитического отдела и Вовка из «мониторинга». Я широко улыбаюсь, стараясь не выдать своей нервозности, и громко здороваюсь.

– Скажи, Антон, ты вчера вечером не смотрел Восьмой канал? – вместо приветствия обращается ко мне Гордеев.

– Вы знаете, я вчера вечером решил пораньше лечь спать.

– Жалко. А давай я тебе запись включу? Помнишь, как на советском телевидении было? По многочисленным просьбам телезрителей мы повторяем художественный фильм... Помнишь?

– Припоминаю. Так что по Восьмому было? Они отреагировали на речь, которую я позавчера написал для Игнатова?

– Отреагировали, Антон, еще как отреагировали. – Гордеев взял со стола пульт и включил телевизор.

На экране был один из депутатов «Единой России», который говорил о задачах, стоящих перед государством по отношению к армии. Он говорил минут пять, а я сидел и лихо-радочно соображал, в чем тут мой косяк. Вроде бы эту речь готовил не я. Я уже почти полностью отвлекся на собственные мысли, как депутат следующим абзацем вернул меня в реалии:

– Наша, так называемая оппозиция может говорить об антитеррористических операциях все, что ей хочется. Со всем своим интеллектуальным багажом и навыками пропаганды они вряд ли смогли бы противостоять терроризму, – вещал депутат – А сейчас их выступления и статьи настолько хороши и злободневны, потому что сами они в безопасности. Вряд ли у них была бы возможность критиковать политику государства в Чечне, если бы наши контртеррористические подразделения стояли в стороне и позволяли бандитам вести свою преступную деятельность по всей России. Один солдат российской армии делает больше для России, чем вся вместе взятая оппозиция со всеми своими пустыми лозунгами! Со всей своей болтовней, которая возможна только потому, что тот самый российский солдат закрывает ее своей грудью от международных террористов.

– Это твой текст, Антон? – Гордеев нажал на паузу.

– Да, мой, Федор Иванович, – кивнул я.

– То есть ты сам писал, пытался передать задачи и цели правительства, понимал, какую реакцию это вызовет у аудитории и у наших противников, да?

– Да, конечно. Я же написал в подстрочнике, что данный акцент делается для того, чтобы аудитория понимала, кто стоит на страже интересов страны, а кто просто вредит ей, прикрываясь термином «оппозиция».

– Ага. А теперь послушай, как эта оппозиция среагировала.

Он перемотал пленку до сюжета, в котором Новодворская давала интервью. Сначала она читала тот самый фрагмент речи, затем отложила лист и начала говорить:

– Они дошли до такого бесстыдства, что даже уже не пытаются придумывать новые формы для своих ушатов с помоями, которые они льют в народные уши. Я сейчас прочту текст, с которого практически слово в слово была списана эта речь. Послушайте:

«Наши нейтральные критики могут говорить все, что они хотят. Со всеми их литературными и социальными навыками они, вероятно, не смогут завоевать одну советскую деревню. Эти всезнайки не особенно размышляют на тему того, о чем они пишут, так как сами они не находятся в опасности, пока героическая немецкая армия защищает Европу, а значит, и их. Они не имели бы большого шанса писать военную критику, если бы немецкая армия стояла в стороне и позволяла Большевиизму проходить торжественным маршем... Один немецкий солдат, борющийся на Востоке, делает больше, чем все они со всей их болтовней, которая возможна только потому, что тот самый немецкий солдат защищает их своим мечом».

Новодворская закончила читать, камера взяла ее лицо крупным планом.

– Автор этого текста – коллега кремлевских мастеров пропаганды. Широкой аудитории его имя хорошо известно. Это доктор Йозеф Геббельс. Фашист и военный преступник. Министр пропаганды Третьего рейха. Именно эти его речи лежали в основе преступлений против человечества. Именно его министерство оправдывало перед немецким народом концлагеря, зверства и массовые убийства. Хорошие выросли у него ученики. Становится понятно, что ждет страну в следующем году, если нынешний год заканчивается трансляцией речей Геббельса по федеральным каналам.

Гордеев выключил телевизор и уставился на меня:

– Может, объяснишь мне все это?

– Да по-моему, и так все понятно, Федор Иванович, – начинаю я речь в свое оправдание. – Это же за уши притянуто.

– А по-моему, непонятно.

– Иван Федорович, да что ее слушать, она же сумасшедшая. Помешанная на «кровавой гэбне» и фашизме. Небось сама на ночь Геббельса читает, вот ей везде призраки и мере-

щатся. Уцепилась за русского солдата, который закрывает грудью страну от террористов, и вспомнила Геббельса с «мечом». Все, кто связан с медиа, читали Геббельса когда-то. Может, у меня в момент написания всплыла в сознании эта формулировка. Знаете, иногда бывает так, когда пишешь...

– А я вот Геббельса не читал, Антон.

– Ну... Федор Иванович, я тоже его... не особо... просто.

– Просто? Вов, ну-ка прочти, что ты мне утром показывал.

Вова открывает папку и начинает читать:

«Именно это происходило с телекомпанией НТВ. Существовали огромные зарплаты, щедрые страховые полисы, неоправданно высокие затраты, обычно обратно пропорциональные положительным финансовым результатам. Некоторые говорят сегодня, что были „создателями нового российского телевидения“. Я хочу им ответить, что, скорее, они были его убийцами. Потому что вместо того, чтобы развивать искусство общественного телевидения, они эксплуатировали его ради собственной выгоды. Безусловно, в телекомпании НТВ работали блестящие профессионалы (которые, я уверен, и останутся на канале), чья беда в том, что они были вынуждены находиться рядом с такими людьми, без чести и совести, но с огромными оффшорными счетами».

– Это откуда? – спрашивает Гордеев.

– Выступление, посвященное смене руководства телеканала НТВ, в апреле 2001 года, и проблемам, стоящим перед современным телевидением в России. Текст готовил Дроздилов.

– Так. Мария Викторовна, что там получилось у вас?

Винокурова из отдела аналитики надевает очки и читает голосом архивного работника:

«Именно это прежде случалось в немецкой системе радиосвязи. Были огромные зарплаты, возмутительные счета расходов, щедрые страховые полисы, обычно обратно пропорциональные любым положительным достижениям. Есть некоторые сегодня, кто называет себя „отцами радио“. Можно ответить им, что они не были теми, кто развивал радио, а скорее теми, кто не произвел никакой пользы из этого в трудные времена. Они только знали, как эксплуатировать радио для собственной выгоды. Конечно, были и хорошие люди, те, кто действительно строил немецкое радио, но должен был стоять рядом с этими охотниками за приданным с их полными бумажниками и пустой совестью».

– Так. Вова, давай следующий кусок.

– Из этого же выступления, Федор Иванович:

«Это не означает, что государство хочет превратить телевидение в структуру, обслуживающую исключительно его собственные интересы. Наоборот, государство против любых пристрастных позиций. У общества должна быть возможность выбора той или иной позиции и право получать информацию из различных, независимых источников. Мы выступаем за то, чтобы было музыкальное телевидение, развлекательное телевидение, юмористическое телевидение, культурные каналы, политические каналы. Единственная позиция государства в том, чтобы ставить морально-нравственные задачи перед техническими, обеспечивая свободные информационные потоки, представленные различными источниками».

– Мария Викторовна, есть аналогичный текст?

– Есть практически идентичный кусок:

«Это не означает, что мы хотим превратить радио в бесхребетного служащего, приверженца нашим политическим интересам. Новая немецкая политика отклоняет любые пристрастные ограничения. Мы хотим комнату для развлечений, популярных искусств, игр, шуток и музыки. Но все должно иметь отношение к нашему дню. Все должно содержать тему нашей большой восстановительной работы или, по крайней мере, не стоять на ее пути. Прежде всего необходимо ясно централизовать все радиодействия, помещать духовные задачи перед техническими, вводить принцип лидерства, обеспечивать ясное мировоззрение, и представлять это мировоззрение гибкими способами».

– Вова, давай дальше, – Гордеев встает из-за стола и начинает нарезать круги по комнате.

– Дальше из выступления нового менеджмента НТВ:

«И прежде всего, это вопрос к новому руководству телеканалом. Не может быть нехватки профессионалов, средств или талантливых менеджеров. Моральная ценность или ее нехватка зависят не от слов, а от содержания».

– Маша, читай исходник, – Гордеев закуривает в кабинете, чего я раньше никогда не видел.

Я чувствую себя так, будто меня облили водой и выставили на мороз. И вот я сижу на своем стуле, превратившись в ледяную глыбу. У меня начинает сводить живот. Из его глубин поднимаются вверх струйки страха. Мне даже кажется, что я точно вижу его цвет. Он белый, как стена кабинета. И наверняка точно такого же цвета мое лицо. Я пытаюсь вытащить себя из этого состояния, но только больше начинаю паниковать. Винокурова продолжает читать:

«Это требует ясно выраженного руководства. Я говорил об этом часто относительно различных областей нашей духовной жизни. Не может быть никакой нехватки руководства, людей или вещей. Моральная ценность или нехватка таковой зависят не от слов, а от содержания. Руководство и цель всегда определяют, хорошо ли это, бесполезно или даже вредно для наших людей».

– Федор Иванович, здесь не совсем дословно, как в предыдущих кусках, но по смыслу практически идентично, – заканчивает она. – Все три фрагмента взяты из речи Йозефа Геббельса «Радио как восьмая великая сила». Совпадение практически построчное, только радио заменено на телевидение, – растерянно резюмирует Винокурова.

– Есть еще кусок про проблемы, которые стоят сегодня перед правительством и президентом, – вступает Вова:

«те же самые проблемы, которые стоят перед народом. Проблемы, которые освещает телевидение, так же должны быть по-настоящему близки людям...»

– Все, достаточно. Спасибо вам, вы свободны. Из приемной пока не уходите далеко.

Винокурова и Вова берут свои папки и, не поворачивая голов в мою сторону, шмыгают вон из кабинета. Собственно говоря, исходник я практически наизусть помню и без Винокуровой:

«Проблемы, с которыми сталкивается правительство сегодня – те же проблемы, которые стоят перед человеком на улице. Проблемы, которые

мы освещаем в эфире, в играх, речах, посланиях, – это проблемы, непосредственно касающиеся людей. Чем лучше радио освещает их различными способами, тем лучше оно выполняет свои задачи и тем больше людей решит бороться с этими проблемами».

Гордеев подходит ко мне вплотную и тихо говорит:

– Ты вообще понимаешь, что ты наделал?

– Я...

– Ты – ленивый, необразованный, неразвитый и тупой мудака, Дроздикив! Ты уволен! Ты, вместо того, чтобы готовить свою работу в нужное время, вместо того, чтобы думать и работать как все, решил тупо копировать фашистских пропагандистов. Ты думал, что? Это будет вечно продолжаться? Ты не себя и не меня, ты хороших людей подставил, сволочь, – Гордеев поднимает палец, указывая на потолок, – тебя сейчас в порошок сотрут, понимаешь? Люди работают во имя страны. Пока ты спишь или хуйней занимаешься – они работают. Мы здесь для того, чтобы облегчить им труд чуть-чуть. Подготовить материалы, подработать речи. А тут один ублюдок решил, что он самый умный? Да? Ты уволен! Вон пошел, с тобой разберутся. И уже не я. – Гордеев переходит на крик.

– Федор Иванович, вы понимаете, это традиции политических речей. Все друг друга копируют или используют ссылки и цитаты из речей великих политиков прошлого, – я все еще пытаюсь подвести его к диалогу.

– Чего ты сказал?

– Тэтчер использовала Черчилля, Джордж Буш копирует своего отца, Ширак перерабатывает Де Голля, а Колль использовал обороты Аденауэра.

– Именно, что великих политиков! Де Голля, понимаешь? Ты что, разницы не чувствуешь? Де Голля и Аденауэра, но не Геббельса с Гитлером. Ты, может, еще Пол Пота где задействовал, а, сучонок?

И это его просторечное «сучонок» подбрасывает меня со стула. Я уже не хочу оправдываться. Я хочу высказать этому старперу в лицо все, что думаю. Все, что могу сказать про четыре года моей работы в Фонде. Бросить обратно ему в рожу все те пафосные наставления, нравоучения и разорвать его тупую необразованность.

– А вы, Федор Иванович, не считаете Геббельса великим политиком?

– Я? – Гордеев опешил и посмотрел по сторонам. – Нет, блядь, не считаю.

– Почему же, Федор Иванович?

– Ты издеваешься, сучонок? Потому что я не считаю великими фашистов!

– Да? А могли бы у него многому поучиться. За него не писали речи двадцатисемилетние молодые люди. Он работал сам, разницу чувствуете? Работал, а не ставил визы. Его речи слушали миллионы людей. Он был асом пропаганды, а не бюрократом, который привык работать обкомовскими методами. Вам же все равно, что «вперед в светлое коммунистическое будущее», что «вперед в ВТО». Только абзацы местами поменять. Разве не так? Что же вы такой образованный и неленивый спохватились в конце года, а? Раньше не заметили? Или не читали? Может, за вас уже и визы специально обученный человек ставит? Чем вам Геббельс не хорош? По мне, так очень четко понимал идеологию этот человек. В отличие от вас.

– Чтооо? Вон пошел! Нахуй отсюда, галопом. Мразь фашистская! Вещи собрал под охраной и вон! Ты еще и уголовное дело получишь, сволочь!

– За что? За сценарии монологов? Или за нарушение авторских и смежных прав? Так вроде НСДАП, как правообладатель, уже не существует лет шестьдесят. Да и наследники не объявятся.

– Я сказал вон пошел. Я тебе устрою сейчас такое, что пожалеешь, что мамка родила. Ты труп.

– Вы мне угрожаете?

– Я тебе, debil, не угрожаю. Я тебе конкретно говорю. Тебя больше не существует в СМИ. Ты сегодня умер как медийщик. Я сделаю так, что тебя на работу даже в школьной стенгазете не возьмут. Не говоря уже о больших компаниях. Ты сдохнешь от алкоголя или наркотиков, с книгой твоего любимого Геббельса на груди. Или всю жизнь будешь жить как бомж, в подвале. Я для тебя тему закрыл. Все, я сказал. Пошел вон.

Я поднимаюсь, чувствуя, что дальнейшей пикировкой рискую получить стулом по голове. Иду к выходу и, не оборачиваясь, говорю:

– Не исключено, что я в жизни обойдусь без медиа. Или создам медиа, которая обойдется без тебя.

– Ты ничего не создашь, мальчишка. Ты не творец – ты пересмешник ебанный.

– Я просто талантливый копирайтер в отличие от тебя.

– Таня, Дрозда без охраны не пускать на его рабочее место. Охрану вызови ко мне срочно.

– Сам ты Дрозд, – бросаю я, выходя из кабинета Гордеева.

Вечером у себя в квартире я сидел перед телевизором и смотрел выступления чиновников, депутатов и пресс-секретарей, фрагменты речей которых готовил я. Уже третий раз я просматривал самый удачный из моих текстов. Это было почти год назад, в ток-шоу, посвященном проблемам национальной идеи, историческим корням и поискам духовности. Меня озвучивал известный в прошлом журналист-международник, а ныне депутат Госдумы. Он говорил о необходимости изменений на телевидении в сторону морально-нравственной составляющей:

«Как и во всех иных областях, движущей силой этих изменений должна стать духовность. Телевидение – уже не просто набор технических совершенств, но духовная среда нашего времени. Телевидение не может игнорировать время. Больше, чем любое другое СМИ телевидение обязано отвечать проблемам сегодняшнего дня. Телевидение, которое не стремится иметь дело с народной проблематикой, не имеет права влиять на большую аудиторию. В противном случае оно превращается в детскую площадку для техников и дикторов. Мы живем во времена общественных интересов: общество справедливо требует своего участия в больших событиях. Телевидение – самый влиятельный и важный посредник между духовным движением и нацией. Между идеями и людьми».

Его речь лилась плавно и четко. Она была проста и доступна любому представителю аудитории – от профессора МГУ до чукотского оленевода. Как и подобает настоящим шедеврам политических речей. Единственное, чего не хватало говорящему, это напора, значимых пауз и интонации настоящего оратора, привыкшего зажигать массы. Это и понятно, потому что выступающий не автор. О, да! Ему далеко до автора этой речи. Ему далеко даже до литературного обработчика, то есть меня. Я вынимаю CD и беру в руки сброшюрованные листы с переводом оригинала. Для того, чтобы ощутить экспрессию речи, не нужно видео. Достаточно просто прочесть:

– Как и во всех других областях, изменения должны иметь духовную природу. Радио должно быть перенесено из пустоты его технических ограничений в живые духовные события нашего времени. Радио не может игнорировать время. Больше, чем любая другая форма общественного выражения оно обязано отвечать нуждам и требованиям сегодняшнего дня. Радио, которое не стремится иметь дело с проблемами дня, не имеет право влиять на широкие массы. Иначе оно станет пустой детской площадкой для техников и интеллектуальных экспериментаторов. Мы живем во времена

масс; массы справедливо требуют своего участия в больших событиях дня. Радио – самый влиятельный и важный посредник между духовным движением и нацией, между идеями и людьми.

Я откладываю текст и иду в ванну посмотреть на себя в зеркало. Да, синяк под глазом приличный. Не стоило мне хамить охране, хотя понятно, в каком тогда был состоянии. Я возвращаюсь в комнату, наливаю себе виски и начинаю перебирать документы, которые скопились у меня за год работы. За исключением черновиков речей, в принципе немного. Я упаковываю черновики в файл, обматываю его скотчем и кладу во внутренний карман пиджака.

На первом этаже, около почтовых ящиков, я засовываю его в трещину под подоконником. В то место, куда я в детстве прятал сигареты. Дома такие вещи лучше не держать. На всякий случай. Вдруг пригодится?

Вернувшись в квартиру, собираю некоторый хлам – расписания важных информационных событий в этом году, какие-то распечатки, визитные карточки – беру все в охапку, кидаю в раковину на кухне и поджигаю. Уволен. Интересно, какую формулировку они поставят в приказ? «Уволен ввиду несоответствия высокому облику современного российского информационного работника и плагиата Геббельса?» Если вдуматься, я ничего криминального не совершил. Всего лишь обработал речи доктора Геббельса, придав им, так сказать, современное звучание. Почему никто не судит диджеев за ремиксы? Наоборот, их делают кумирами за обработки чужих песен. Чем хуже я? Может быть, я еще войду в историю, как первый политдиджей?

Я курю и смотрю на то, как огонь быстро пожирает бумагу. Дольше всего горят визитки. Я жду, пока последняя не превратится в обугленный квадратик плотной бумаги. Я смотрю, как огонь уничтожает остатки моей карьеры – «Дроздилов Антон Геннадьевич, референт информационного отдела Фонда Эффективной Политики». Все. Я кидаю в раковину окурков и ухожу.

Через час, уже пьяный в хлам, смотрю выступление Геббельса «Восстань, нация!» на Олимпийском стадионе в 1945 году.

– Я хочу задать вам последний вопрос, – говорит Геббельс, – готовы ли вы к последней, решающей битве?

Сорок тысяч человек на стадионе вскакивают со своих мест и кричат: «Зиг хайль!» Я будто бы слышу, как миллионы слушавших его речь по радио так же вскакивают и кричат: «Зиг хайль!» Геббельс подается вперед, почти касаясь грудью трибуны. Он берет самую высокую ноту выступления:

– Готовы ли вы к тотальной войне?

– Да!

– Я спрашиваю, ГОТОВЫ ЛИ ВЫ К ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ?

– Да! Да! ДА!!!!!!!!!!

Я, поддавшись общей эйфории, тоже вскакиваю с дивана. Мне кажется, что Геббельс обращается ко мне:

– ГОТОВЫ ЛИ ВЫ К ТОТАЛЬНОЙ ВОЙНЕ?

– ДА, ДА! – ору я.

Стакан с виски выпадает из моей руки, разбивается и лежащая на полу брошюра заливается алкоголем вперемешку с битым стеклом. Я сажусь, поднимаю текст с пола, обрезая осколком пальцы. Я тупо листаю страницы, пачкая их каплями своей крови. Мои глаза утыкаются в цитату:

«Время никогда не останавливается. Оно большими шагами движется вперед. Мы счастливы, потому что следуем за ним. К тому часу, когда откроется дверь в новое столетие».

«Дверь в новое столетие»... В этот момент мне стоило бы оторваться от бумаги, посмотреть в сторону телевизора и сказать: «I'll be back!». Но я этого не говорю. Во-первых, потому что не люблю голливудские фильмы, а во-вторых, потому что сильно пьян. Я бросаю бумагу, заваливаюсь на бок и засыпаю.

ФРИЛАНСЕР

Февраль 2007 года, Москва.

За четырнадцать месяцев до выборов Президента РФ.

Этот слоган я заметил еще метров за восемьсот до рекламного щита, на котором он был написан. Во весь щит огромными буквами – **НЕ НАДО ГАДИТЬ!**

Социальная реклама, что ли? Своевременно. Весь город уже загадили, лет как десять назад, а власти опомнились. Не надо гадить! Грязь им, значит, помешала. Каково? Может, стоит слоган сменить? Например: Не надо экономить на уборочной технике. Или: Не надо посыпать дороги химическим говном. Или просто: Надо убирать улицы? А то не делают ни черта с этой грязью, а потом завешивают город идиотскими лозунгами. Может быть, вообще издать указ, запрещающий в Москве продолжаться зиме больше, чем два месяца. А может быть, вообще зиму запретить? Или лень? И тогда реально станет чище?

Февраль действительно стоял весьма мерзкий, впрочем, как и всегда. Под ногами отвратительная серая каша из бензина и машинного масла, приправленного снегом, над головой не менее отвратительная каша из рваных серых туч, из которых этот снег и сыпался. Люди на улицах так же не разнообразили пейзаж. Прохожие были одеты достаточно ярко, что характерно для зимней Москвы, в которой в это время года все как сговорились изображать этакое летнее настроение – надевать все оранжевое, зеленое, желтое, красное – вроде им вдруг показалось, что они живут в Лос-Анджелесе. Одеться-то они оделись, а вот лица... Лица не изменились. Лица оставались неизменно серыми и перекошенными, будто всех в городе одновременно тошнило. Скорее всего, и кашу эту серую на улицах они и наблевали. Реально, как еще могут выглядеть мостовые города, в которой всех тошнит?

Нет, не подумайте, будто я начинающий шизик, видящий жизнь в сером цвете. Отнюдь! Просто... Просто так оно все и выглядит. На дворе четырнадцатое февраля, день всех влюбленных, а радостных лиц что-то не прибавилось. Интересно, куда подевались все эти счастливые обнимающиеся парочки, разгуливающие по городу с красными коробками в руках или прижимающие к груди красные же открытки в виде сердца? Где они, я вас спрашиваю? Дома обнимаются? Бегают по магазинам? Строчат друг другу «валентинки» по e-мейлу? Или стоят в пробках, как и я? Или, может быть, никто никого уже не любит? Может быть, я прав и всех нас просто тошнит друг от друга?

Вот взять, к примеру, меня. Что-то я не припомню, чтобы меня вчера кто-нибудь поздравил. Про женщин, с которыми я провожу свой досуг, умолчим. Каждая из них считает, что мое к ней отношение несерьезно, посему и день влюбленных проводить со мной никто из них не собирается. Тем более дарить «валентинки». Проводить со мной отпуск, выходные, увеселительные мероприятия – это пожалуйста. А вот праздник святого Валентина – это мимо. Впрочем, меня это особо и не парит.

«Не надо гадить!» (До щита метров триста). А я никому особо и не гадил. Сто процентов, и в мыслях не держал. Не могу сказать, что был радушен и мил с девушками в преддверии праздника, но не гадил уж точно. Особенно учитывая то, что в последнее время чаще всего я общался с двумя. С Дашей, светской журналисткой по профессии и проституткой по призванию, и Светой, проституткой и по профессии и по призванию. Им-то я уж точно не гадил. Могли бы прислать открыточку, кстати. Но не прислали.

Может, коллеги по работе еще сподобятся? Дайте-ка подумать. Девушки из компаний клиентов? Знакомые журналистки? Пресс-секретари заказчиков? Может, хоть коллеги мужчины? Так, в качестве подьетки? Кто обрадует подарочком славного парня Антона Дроздикова? Наконец я подьезжаю к щиту и вижу, что на самом деле надпись читается как «Не надо гадать!» и рекламирует какой-то банк с супервыгодными процентами по вкладам. Ха, ха, ха. Действительно смешно.

Я, кстати, и не гадаю. Если прокрутить все последние события, то получается, что единственным подарком ко дню влюбленных оказался банковский перевод на десять тысяч долларов, который я получил как раз вчера. За пиар-компанию одного строительного холдинга, организованную моим агентством в различных СМИ. Я вчера думал на эту тему перед сном. Получается, что единственная, кто меня любит, – это медиа. Я даже «валентинку» вчера отправил по электронной почте. С одного своего ящика – на другой. Взял картинку с сердцем и написал на ней: «Медиа любит вас, Антон!» Для полноты картины стоило бы отправить в ответ что-то вроде «Медиа, я вас тоже очень люблю!», только вот знать бы еще ее настоящий электронный адрес.

Честно говоря, за последний год я стал все больше и больше сомневаться во взаимности наших чувств, потому как дела у моей компании шли как-то вяло. Я даже стал подумывать о правильности принятого мной четыре года назад решения. Хотя, объективно говоря, после увольнения из ФЭПа выбор у меня был не слишком-то и велик. Кому всерьез может быть интересен молодой политтехнолог? Точнее, у кого он может получить серьезные деньги? Да, можно было бы сменить поле деятельности. Например, заняться имиджевым пиаром или открыть столь модное нынче «рекламное агентство полного цикла», занимающееся всем, на чем можно заработать больше тысячи долларов: от изготовления подарочных упаковок до предоставления девочек для продвижения товаров в клубах и ресторанах. На худой конец, можно было бы попробовать устроиться в маркетинговый отдел крупной компании и тихо-мирно воровать там рекламные бюджеты до седых мудей. Но во всем этом было две проблемы. Первая состояла в том, что рекламный бизнес не подходил мне из-за атмосферы. Не важно, на какой стороне баррикад ты находишься, в любом случае имеешь дело с ублюдками из больших корпораций. Либо ты им подчиняешься, работая на них, либо ты ежедневно лижешь жопу, выполняя их заказы. И в целом совершенно все равно, получать от них зарплату или бюджеты. Тебя имеют во все дыры, в любом случае. Вторая проблема состояла в моем увлечении политическими технологиями. А политика – это как генитальный герпес – один раз подцепишь и на всю жизнь. Он может затухать, может обостряться, но никуда от тебя не денется. Так получилось и со мной. Начав карьеру с политтехнологий, я заболел ими. Поэтому продолжать свою карьеру я решил именно на этом поле. Чем я мог быть интересен?

О работе на государственные структуры после истории с Гордеевым, ха-ха, точнее, истории с Геббельсом, не могло быть и речи. Структуры, «сидящие» на бюджетах состоятельных кротов, всяких там стальных, нефтяных и алюминиевых олигархов, уже имели своих руководителей, таких же пиарщиков «без страха и упрека». И собственных работодателей они защищали от подобных мне ландскнехтов политических технологий практически как Брестскую крепость. В свете будущих выборов идеальным вариантом была бы игра на поле оппозиции, но для получения в разработку серьезного направления нужно было иметь предыдущие проекты в своем портфеле, а их на момент увольнения из ФЭПа у меня не было. Таким образом, оставалось одно – открыть собственное агентство, занимающееся пиаром. В том числе политическим. Что я и сделал. Поскольку агентству предстояло (по моему мнению) совершить революцию в СМИ, я, не долго думая, назвал его «Че Медиа».

Работать на вольных хлебах достаточно комфортно, но не слишком прибыльно. Поначалу все шло настолько хорошо, что я корил себя за то, что не ушел в самостоятельное

плавание раньше. Мне удалось несколько раз неплохо прислониться к выборам мэров в провинциальных городах. На пике развития моего агентства наша команда совершенно гениально ухитрилась работать одновременно на два противоборствующих лагеря, стремившихся получить контроль за нефтеперерабатывающим заводом. Если можно было бы придать ту историю огласке, она вошла бы в учебники по технологиям и разводу «хозяйствующих субъектов». После мэрских выборов и этой «нефтянки» заказов было много. Мы заделывали трещины в репутации провинциальных чиновников, обслуживали пару корпораций, занимаясь контрпиаром, поддерживали информационные войны олигархов легкого веса. А потом как-то сразу все стихло. Не то чтобы заказы резко кончились, нет. Они просто... как бы точнее выразиться? Они усохли... Съежились до микроскопических размеров. Я почувствовал эту перемену, возвратившись однажды из отпуска. В какой-то момент денег стало катастрофически не хватать. Понимаете, о чем я? Я не стал больше тратить, я стал меньше зарабатывать. Сначала закрылся рынок депутатов – одномандатников, которые теперь проходили в Думу по партийным спискам, затем у нас перестало получаться работать в провинции, которая больше не испытывала благоговейного трепета перед столичными пиарщиками, предпочитая работать с собственными кадрами. Надо отдать им должное, они сильно выросли за прошедшее время.

В конце концов мы перестали получать доходы от нашей традиционной работы – медийных кампаний для московских заказчиков. Мы вели какие-то переговоры, встречались с потенциальными заказчиками, писали предложения, рисовали схемы, но в финале нам либо доставались крохи, либо не доставалось ничего. Мы продолжали встречаться с нашими клиентами на разных бизнес-форумах, презентациях и вечеринках, но они лишь улыбались и, отводя глаза, говорили что-то типа «вы знаете, мы пока решили отложить намеченные с вами проекты». Кое-кто даже уклончиво говорил «вы же знаете, какая у вас репутация» и о том, что к нам обращаться «не рекомендуют».

Таким образом, мы доползли до того порога, когда имя на рынке вроде бы еще есть, а вот денег уже нет. Проекты становились все мельче и мельче. «По совету знакомых» к нам изредка приходили какие-то тревожные пассажиры, предлагавшие небольшие бюджеты за то, чтобы снять материал с какого-нибудь сайта или, наоборот, разместить в Интернете или прессе информацию о том, что их конкурент строит элитное жилье, которое может любой момент развалиться. Платили они мало, да еще и долго, посему мы после размещения соответствующей информации шли к их конкурентам и предлагали купить на этом сайте «блок». То есть гарантию отсутствия на этом сайте любой негативной для конкурента информации в течение определенного времени. Но это были уже семечки. Заниматься подобными вещами означало то, что со временем мы станем обычной швалью. Из разряда тех контор, что предлагают клиентам в ответ на появление гадостей на сайте Компромат ру устроить хакерскую атаку. Обещания эти выполнялись несложно, потому что «компромат» планомерно вырубается пару раз в месяц из-за атак всяких молодых сетевых хулиганов, тренирующих свои навыки. Такой ерундой можно было довольно долго заниматься, зарабатывая долларов по пятьсот за «хакерскую атаку». Чувствовал я, что если мы сейчас не брезгуем заниматься такой херней, то в скором времени окончательно измельчаем. Иными словами – доедемся до мышей.

Я утешал себя тем, что после затяжного штiria жизнь сама выносит на твой берег новых заказчиков. Я надеялся, что вот-вот у нас, наконец, появится тот самый Большой Проект. Главное – быть к нему готовым. И вот в ожидании этого проекта я, от безысходности, разрабатывал два направления: сетевые блоги и политический глянцевоый журнал. Оба проекта были довольно утопичными, если выражаться корректно. Точнее, представляли из себя банальное набалово, если называть вещи своими именами.

Сетевые блоги получили широкое распространение в Интернете, потому что давали шанс любому бездельнику в одночасье стать звездой, новостным ресурсом, порносайтом или службой знакомств в одном лице. Поскольку открытие личного дневника не требовало от человека знаний по созданию интернет-сайтов, а количество таких же, как и он лоботрясов, проводящих все рабочее время в Сети, ежедневно росло – такие сервисы быстро стали самыми популярными местами общения различных социальных групп. Однако в российском сегменте Интернета блоги имели свою специфику. Они были намного более политизированы, чем их международные аналоги. Сотни человек занимались обсуждением политики в своих личных дневниках на Live-journal.com, Liveinternet.ru или Blogs.mail.ru. Такие блоги пользовались устойчивой популярностью, и я вынашивал проект создания агентства, специализирующегося на продвижении нужной информации политического или коммерческого свойства через дневники наиболее популярных пользователей.

Вторым моим проектом было создание глянцевого журнала о политике, с либерально-оппозиционным уклоном. Издав пару-тройку номеров со скандальными материалами, думал я, можно было бы через полгода продать журнал кому-нибудь из гонимых олигархов для использования этого СМИ перед выборами.

Оба проекта я предлагал уже десятерым потенциальным покупателям, но то ли они боялись, то ли не понимали моего новаторства, то ли банально жали бабки. О том, что мои проекты слабые, как понятно, не могло быть и речи. Все-таки я уже шесть лет работал в медиа и чувствовал новые тренды.

Тем не менее время уходило, а Большой Проект так и не появлялся. Даже смутно не маячил на горизонте. И что-то подсказывало мне, что надежд на его появление у меня практически не остается. И агентству моему суждено исчезнуть из информационного поля, так и не произведя в нем переворота. Да что там. Даже не оцарапав всерьез.

Вот с такими, прямо скажем, не радужными мыслями я приехал в свой офис, когда-то занимавший целый этаж здания на «Парке культуры», а нынче ссохнувшийся до трех комнат. «Мы просто хотим быть более мобильными, поэтому отказались раздувать штат», – ввали мы последним, не убежавшим от нас заказчиком, если те все-таки приезжали на переговоры к нам. Сами мы, как понятно, предпочитали проводить переговоры на их территории. Один из кабинетов занимали трое девушек, ведущих клиентов, в другом сидела секретарша и бухгалтер, третий занимали мы с моим партнером Сашкой Епифановым.

Зайдя в кабинет, я нашел Сашку играющим на компьютере в «Путин-чесс». Судя по его кислой роже, играл он уже час как минимум, но результатами не блистал.

- Здравова, партнер.
- Здравова, партнер.
- Чего не весел, сударь? Вечор прошел в возлияниях, по случаю иноземного праздника?
- Вечор мой, Антон, прошел в объясняловах с женой.
- Ты забыл ей послать «валентинку»? – картинно ужасаюсь я. – Нет, Саша, я не верю, ты не такой. Ты романтичный. Что же тогда стряслось?
- Иронизируй, иронизируй. Тебе можно, пока холостой.
- Что случилось-то?
- Да, банально. Потребности есть, а денег нет. В общем, забей.
- Ясно, – вздыхаю я, – «БМВ любви» разбилась о быт. Ты, кстати, машину-то починил?
- Ага. Сегодня из сервиса забрал.
- Ясно. Ты сегодня газеты покупал?
- Вон, на столе валяются.
- Есть чего интересное?
- Не-а. Новости однако имею.
- Поведай.

– Никитоса помнишь?

– Этого бандоса? Дружка твоего, который к нам три года назад обращался, но так и не стал работать? Помню порожняка твоего.

– Ладно, хватит тебе. Он через сорок минут приедет.

– Опять порожняки гонять? На хуй он нам нужен?

– Слушай, что ты заладил? «Порожняки», «порожняки». Я тебе скажу, он нормально поднялся. Говорит, что хочет какое-то дело предложить. Ты полагаешь, в нашем положении стоит послать его?

– Да пусть приедет, за спрос денег не берут. К сожалению.

– А чего хочет?

– Сказал «при встрече».

– Что же, будем ждать. Может, принесет пять копеек.

– Я на это очень надеюсь, – с выражением посмотрел на меня Сашка.

Никита Исаев, также известный, как Никитос, мало изменился с момента нашей последней встречи. Может быть, чуть пополнил, надел более дорогой костюм и украсил себя очками в интеллигентной оправе, которые придавали его лицу более осмысленное выражение. По тому, как он оглядывал наш кабинет, по его вопросам о наших делах и скептической улыбочке, я понял, что сегодня нам нужно использовать все свое актерское мастерство, если у него есть реальное предложение. Надо включить снисходительное понимание и легкое хамство. Иначе Никитос никогда не поверит, что мы еще на плаву. Одним словом, я решил играть ва-банк.

После обмена воспоминаниями и расспросами об общих знакомых мы, наконец, сели говорить о деле.

– Дело в следующем, – начал Никита и тут же сделал паузу, многозначительно посмотрев на меня. – Есть одно предприятие, в районе Кутузовского проспекта. Бывший завод военный, по выпуску каких-то там антенн или радаров, хуй их разберет. Территория громадная. Цеха, склады, площадки. И все это дело государственной важности в руках у полных уродов. Мы с моими партнерами...

– С «пацанами», что ли?

– Антон, ты друг и партнер Саши, а значит, и мой друг, вопросов нет. Но как бы базар-то фильтруй. Сейчас же не девяносто третий год. Где ты «пацанов» увидел? Мы бизнесмены. У нас серьезные интересы в строительном бизнесе. А ты, своими «пацанами», в натуре, криминализируешь мой... этот, – тут Никитос запнулся и обратил свой полный просьб о помощи взор к Саше, – ну, как теперь говорят?

– Дискурс... – подсказывает Саша.

– Во! Точно. Короче, ты, Антон, неправильно говоришь.

– Это кто же тебя таким речевым оборотам научил, я стесняюсь спросить? – спрашиваю я у Никитоса.

– Стараюсь идти в ногу со временем и выбирать правильных друзей, – Никита улыбнулся, одернул пиджак и обвел нас торжествующим взглядом.

– Ну, вы, ребята, даете, – смеюсь я, – скоро будете изъясняться, как настоящие филологи. Нормальные люди вас совсем перестанут понимать. Ладно, с ним, с дискурсом. Ты скажи мне лучше, зачем тебе завод понадобился? Что-то я сомневаюсь в том, чтобы ты решил отнять у плохих парней дело государственной важности и передать обратно государству. Или ты, может, хочешь в «оборонку» деньги свои инвестировать?

– Да какая там «оборонка»! Там земли десять гектар. Завод ясное дело, снесем, а земля в том районе, сам понимаешь, золотая.

– Это нам яснее, да Саш? А то начал с «дела государственной важности». И в чем проблема?

– А вот в чем, – Никитос достал из внутреннего кармана толстенную черную ручку, опоясанную кольцами из белого металла. Предположительно золота, судя по тому, что Никитос, по словам Сашки, ездит на тюнинг-ованном «Porsche Cayenne».

Я наклоняюсь к Никите, чтобы рассмотреть ручку поближе, и говорю:

– Какая у тебя ручка интересная. Дорогая, наверное?

Никита, довольно ухмыляясь, отвечает:

– Картье. Две штуки стоит.

– Импортная?

– Ну не русская, ясен хуй. – Никита явно не понимает моего сарказма, но остается весьма доволен эффектом, который, по его мнению, произвела на меня его ручка.

– Короче, к делу.

Он начинает рисовать на листе бумаги аккуратные квадратики со стрелочками, подписывать их ровным, почти чертежным шрифтом. Видимо, это занятие со времен школы доставляет ему невообразимое удовольствие. Никита увлеченно пыхтит и изредка отрывается, оценивая схему, что наводит меня на мысль о том, что в советских ПТУ все же неплохо учили.

– Двадцать процентов акций принадлежат вот этим двум фирмам, учредителем которых является фонд «Бауманец»...

– Это в честь братвы, что ли? – вежливо интересуюсь я.

– Не смешно. Еще двадцать процентов принадлежат фирме «Велес», по пять процентов принадлежат фонду «Содействие спорту» и частным лицам. Мы выступаем учредителями холдинга «Господарь», контролирующего банк «Прогресс», который является учредителем во всех фондах. Короче, везде мы.

– Какая схема красивая, – подмигиваю я Саше.

– Это же додуматься надо. На тебя, Никит, наверное, полк специалистов по захватам года два трудился, – подыгрывает мне Саша, настроившийся на волну моего наглого поведения.

– И как сложно все, – продолжаю глумиться я, – никогда бы не подумал, что все так запутать хитро можно. Кто же это придумал? Или, правда, рейдеров нанял?

– Рейдеры-шмейдеры. Никого я не нанимал. Сами и придумали, что тут сложного-то? – Никитос демонстративно кидает ручку на стол, показывая собственное превосходство в вопросах захвата предприятий и выстраивания хитрых экономических моделей. – А вы думали, мы по-прежнему палатки крышуем?

– Что ты, Никита. Просто для нас это темный лес, – тихо говорю я, – так в чем проблема-то, брат?

– Еще сорок процентов принадлежат четырем структурам, которые контролируются банком «Зевс». Остаются десять процентов, необходимые для контрольного пакета...

– Которые находятся в руках у трудового коллектива, – говорит Саша.

– А директор завода, ветеран производства, крепкий хозяйственник, сам владеет частью акций и симпатизирует чувакам из «Зевса»... – резюмирую я.

– Откуда знаете? Они к вам обращались? – испуганно тараторит Никита.

– И завидев, что завод хотят захватить, «Зевс» через директора начал науськивать коллектив, чтобы не продавали акции чужакам... – Саша подходит к окну и поворачивается к нам спиной.

– И страшает коллектив тем, что захватчики не просто плохие люди, а самые настоящие бандиты... – продолжаю я.

– Что в целом недалеко от истины, – Саша закуривает.

– Коллектив устраивает пикетирование территории, митинги разные. В общем, готовится «Зевс», руками рабочего класса, приковать тебя, Никитос, к стене, что Прометей... –

я встаю из-за стола совещаний и сажусь за свой стол, – за то, что ты у него хочешь спиздить священный огонь, исторгаемый доменными печами завода. Кстати, на этом заводе доменные печи есть?

– Печи? А при чем тут печи? – удивляется Никитос.

– Так просто, для красоты повествования спросил. Забей.

– Не исключено еще, что скоро на твои подставные «помойки» проверяющие органы налетят, как орлы... – Саша подходит к Никите и кладет ему руку на плечо.

– Действительно, непременно должны появиться орлы, клюющие печень рейдеров. Для полного соответствия мифам Древней Греции, – я делаю скучающее лицо и утыкаюсь в монитор, – помнишь миф о Прометее, а? Никит?

– Значит, они раньше пришли... Суки. – Никита встает и начинает ходить по кабинету. – Когда они приходили?

– Кто, Никит?

– Люди из «Зевса».

– Да не приходил никто, бог с тобой.

– А откуда же вы всю схему знаете? – Никита останавливается и по очереди обводит нас недоверчивым взглядом.

– Этой схеме, Никита, лет десять уже. Ох... лучше бы вы по-прежнему палатки крышевали... И повторяется она каждый месяц. Меняются только названия объектов и спорящих хозяйствующих субъектов.

– В целом задача ясна – говорит Саша, – ничего нового. Кампания предстоит довольно сложная.

– А варианты какие есть?

– Варианты, Никита, всегда есть. Велосипед выдумывать не надо. Все и так ясно.

Никит скажи, ты Прометей или нет?

– Не понял?

– В смысле, работать готов?

– Так я за этим и пришел.

– Саша, бери бумагу, пиши план.

– Дай ручку или карандаш.

– Момент, – я вынимаю из подставки несколько карандашей, которые оказываются тупыми, поднимаю бумаги на столе, в поисках ручки и говорю раздраженным тоном: – медиа структура, бля, ни одного пишущего предмета нет нормального. Невозможно работать, – я открываю ящик стола, достаю оттуда увесистую ручку и запускаю ее по столу в сторону Саши, – на, хоть этим говном, что ли, пиши.

Никита провожает глазами ручку, пока она не оказывается в Сашкиных руках. Глаза его выдают туземный интерес:

– Нормально. Это ж «Монтеграппа», да? Косаря два стоит, я в каталоге видел.

– Ага, – согласно киваю я, – полное говно. Писать неудобно.

– А я своей научился грецкие орехи колоть, – отзывается Саша.

– Хорошо вы тут живете, – пожимает плечами Никита.

– Не жалуемся. В общем, Никитос, цена вопроса сто штук...

– Уфф, – выдыхает Никита, – крутовато.

– Это только наш гонорар. Еще на дополнительные расходы полтинник накинь.

– А... – начинает Никитос.

– Не интересно, – говорю я, – рыночная цена. За меньшее можем только палатку у метро отжать.

– Я могу пацанам позвонить?

– Партнерам, в смысле? Легко. Мы даже выйдем, чтобы тебя не смущать.

Мы выходим из кабинета, Саша снова закуривает и спрашивает у меня:

– По ходу довыебываемся мы сейчас, не думаешь?

– В нашем положении, Саша, «или пан или пропал».

– С ручкой хороший фокус. Не переборщим?

– Нет, не переборщим. Клиент должен видеть, что перед ним профессионалы – это раз.

И то, что другие люди перед ним так же платили нам такие деньги, а может, и больше, за те же услуги – это два. Мы должны демонстрировать, что у нас по-прежнему все охуительно. Даже еще лучше.

– Чего предлагать будем?

– Схему с «нефтянкой».

– Классика, – улыбается он.

– А другой схемы, брат, у нас с тобой и нет, – тихо резюмирую я.

Через пять минут Никита выходит из моего кабинета и говорит:

– Мы согласны. Давайте ваш план.

Мы возвращаемся, снова садимся за один стол, и я начинаю излагать:

– Итак, первое, что необходимо сделать Прометею, это доказать людям, что священный огонь он спиздил для них. Для этого на завод запускается реальная братва, которая начинает запугивать заводчан. Неплохо было бы кого-нибудь отпиздить жестко, для полноты картины. Люди из «Зевса» начинают бороться с братвой. Братва наезжает на директора. На предприятии устанавливается атмосфера страха. Подключается пресса с рассказами о бандитах, которые хотят отобрать завод. Далее, запускается слух, что и сам директор, в общем, шибко нечист на руку, потому что бандиты на честных людей не наезжают, а только на жуликов или людей, имеющих связи с криминалом. Раскручивается тема о том, что подконтрольные «Зевсу» структуры подчиняются «кавказцам». Народная вера в «своего» директора начинает колебаться. Самому директору подбрасывается информация о том, что как только он передаст свои и народные акции в руки ребят из структур «Зевса», они же его и завалят после завершения сделки. С другой стороны, с «Зевсом» за акции борются бандиты. Директор начинает нервничать, потому что непонятно, как себя вести. Единственное его желание – быстро продать акции все равно кому и соскочить живым.

– Так кому же он продаст-то, если везде одни бандосы? – живо интересуется Никита. – Где же ему нормальных людей найти?

– Спокойно. Главное, чтобы акции были, а нормальные люди найдутся. В этот-то момент и появляется компания «Прометей», связанная с правительством Москвы, которая предлагает директору и народу продать акции хорошим людям, которые ни за что не разрушат их родной завод, так как сами они государственные чиновники. И все, что «Прометей» хочет – это вернуть заводу нормальное хозяйствование, с зарплатами вовремя, путевками и детским садиком дешевым. То есть «Прометей» выполняет свое предназначение – отдать священный огонь/завод в руки людей.

– А чего, у вас в мэрии настолько крутые завязки есть, Антон? – Никита до сих пор зачарованно слушал, но возвращение к мифу о «Прометее» заставило его воспрянуть. Видимо, прошел устойчивый ассоциативный ряд с выклеванной печенью.

– В смысле?

– Ну, ты же сказал, что конторку эту, «Прометей», будут чиновники из мэрии крышевать. А где мы их возьмем?

Мы с Сашей переглядываемся друг с другом, затем он обращается к Никитосу:

– Брат, ты когда ворованные тачки продавал, рассказывая, что это лизинговые машины из Германии, ты клиентам реальных немцев показывал?

– Нет, а на хуя? И так все на рынке знали, что у меня немецкие машины.

– Откуда это они знали?

- Пару-тройку раз пиздунка запустили и все. Народ повелся.
- Тогда, внимание, вопрос: если все вокруг будут говорить, что фирма «мэрская», потребует ли, кто-нибудь из народа предъявить живого мэра?
- Или живых древних греков, учредивших компанию «Прометей», – ржет Сашка.
- Да... – кивает головой Никита, – чо-то я затупил. Ничо нового, как на рынке, только оборот больше. Только вот непонятно одно.
- Что тебе, дорогой, непонятно?
- А «Зевс» чо, просто тупо будет смотреть со стороны?
- А «Зевсу», брат, мы устроим на Олимпе, то есть в его родном банке, такой пожар, что ему не до завода будет. Спасти бы свое.
- А как?
- А вот так. Будем твой «Зевс» банкротить...
- Во пиздец-то... И чо, правда обанкротим?
- А чо нет-то? – включается Саша. – В первый раз, что ли?
- А у вас уже такое было?
- Было, Никита, было. У нас не такое было. Как, ты думаешь, мы работали на всех парламентских и президентских выборах? Там не завод, там целые регионы отжимать приходилось...
- Круто... – Никита чуть встряхивает головой, от чего становится похожим на ротвейлера.
- В общем, да. Ладно, Никита. Мне нужна следующая информация: данные о директоре завода, данные о подставных фирмах «Зевса», данные о PR-отделе банка, его работа с прессой, имидж банка...
- Все это время Никита сидит, уставившись в стол, затем поднимает голову и кротким голосом спрашивает:
- А можно чая попросить? И листок бумаги, мне записывать надо, я так не запомню.
- Тебе, может, сразу коньячку накатить? – предлагает Саша.
- В общем, неплохо было бы... а еще...
- А давайте обед закажем? – предлагаю я.
- Я только хотел предложить, – Никита поворачивается ко мне, его взгляд исполнен признательности. Где-то в глубине его серых глаз мною отчетливо читается: «Клиент готов».
- Через три часа мы согласовали план действий, получили двадцатку задатка, обещание Никиты, что завтра будет еще тридцать штук, и разъехались из офиса.
- По пути домой я зарулил в обмен валюты в «Седьмом континенте», и уже было собирався поменять пару сотен, как завибрировал мобильник. Звонила Ольга, сорокалетняя журналистка, работающая, кажется, на все газеты и интернет-ресурсы, вместе взятые. Ее статьи мне попадались настолько часто, что я начал думать о том, что она продала свое имя для подписи любых материалов, как продают бренд-нейм. Во времена моей работы в ФЭПе мы находились в разных лагерях, но то ли ввиду того, что баба она была вменяемая, то ли ввиду обоюдной симпатии, мы изредка общались. Пару раз после увольнения я получал от нее небольшие проекты, пару раз сам привлекал ее в качестве копирайтера для своих целей.
- Антон, привет. Это Ольга Авдеева, узнал?
- Определитель узнал, – смеюсь я.
- Значит, богатой не буду
- Будешь, раз мне звонишь. Ты же в последнее время без дела не звонишь.
- Да как-то все в бегах. Сам понимаешь, нас ноги кормят.
- Связи нас кормят, Оля, а не ноги. Ну, рассказывай.
- В общем, есть один человек, который хочет с тобой встретиться. Ты же медийкой еще занимаешься? – на всякий случай уточняет она.

- Только ею и занимаюсь. А что за человек?
- Знаешь, он последнее время здесь редко бывает. В основном «там». Ну, ты понимаешь, да?
- Догадываюсь. И чего хочет?
- Хочет с тобой встретиться, чтобы обсудить один проект.
- Серьезный?
- Я не в курсе, по телефону, как понимаешь, выяснять не стала. А человек... человек, в общем, серьезный. Мне его так рекомендовали. Он звонил мне вчера, но я тебе не позволилась, у тебя телефон был отключен.
- Ага. (Забыла ты просто, сука, или еще кому хотела проект спулить.) Когда встреча?
- Сегодня, в семь часов в «Свисс-отеле», сможешь?
- Да, постараюсь.
- Тогда я его секретарше позвоню сейчас. Как все закончится, позвони, встретимся, чаю поьем.
- Конечно, Оль, какие проблемы. (Ты же не бесплатно мне встречу тут намыливаешь.) Даже если не получится ничего с твоим пассажиром, обязательно встретимся. Давно не виделись.
- Точно. Я уверена, что все получится, – говорит она таким тоном, в котором слышится «не соскочишь, дорогой мой».
- Все. После встречи звоню. Увидимся.
- Я кладу телефон в карман, протягиваю в окошко обмена двести долларов и неожиданно для самого себя говорю вслух:
 - Медиа все еще любит вас, Антон...
 - Во, во, цветы ей купи, раз любит, – услышал я за спиной чей-то надтреснутый голос.
- Обернувшись, я увидел маленькую старуху, одетую в черное пальто и черный же платок. За спиной старухи висел рюкзак, а опиралась она на палку. Помните ту бабку в фильме «Собачье сердце»? «Странница я, собачку говорящую пришла посмотреть». Именно такая бабка мне и попалась.
 - Чего купить?
 - Цветов, внучек.
 - Кому?
 - Как кому? Ну, ты про девку говорил какую-то? Вот ей и купи. А мне дай на хлебушек.
 - Девку? Ха-ха-ха, – бабка меня порядком рассмешила, – так я не про девку говорил, ха-ха-ха.
 - Ой, – отшатнулась бабка, – а про кого? Ты может, этот? Ну, как их? Вроде не похож...
 - Не, бабка, я не гомик. Но говорил я не про девку. На вот тебе, – протянул я бабке сто рублей.
 - Спасибо тебе, внучек.
 - Ага.
- Я сел в машину и уже собирался отъезжать, но тут снова увидел старуху, стоящую около водительской двери.
 - Чего? – опустил я стекло.
 - В башню не ходи, слышишь? Не ходи в башню.
 - В какую башню-то?
 - Сам знаешь в какую. Не ходи туда, проклятое место это.
 - Да не собираюсь я ни в какую башню. Брось ты.
 - А я те говорю – не ходи.
 - Ладно. Не пойду, не пойду. Все, давай. Ехать мне нужно.

Я тронулся, посмотрел в зеркало заднего вида, но бабки больше не увидел. Дорогой я размышлял о том, про какую башню говорила бабка? Старуха, наверное, с ума спрыгнула. Что за башня? «Свисс-отель», например, построен в башне и что. Черт ее поймет, старуху эту.

РАБОТОДАТЕЛЬ

Без пятнадцати семь я подъехал к гостинице «Swiss Hotel – Красные Холмы», на двадцать первом этаже которой, в модном City Space Bar, мне была назначена встреча непонятно с кем. Поднимаясь в лифте, я думал о том, что скорее всего Ольга подбросила мне заказчика – олигарха, из тех, что бродят в окружении десяти моделей по модным местам Москвы. Серьезные люди не обсуждают деловые вопросы в барах. Следовательно, меня ждет часовой монолог очередного сорокалетнего дяди, который в перерывах между ежедневными мандежниками и рисовками ухитряется извлекать неземные прибыли в каком-нибудь бизнесе, вроде производства алюминия или переработки нефти. И решил этот чувак провести такую хитрую пиар-компанию себя или предприятия, имиджа ради. Либо, что скорее всего, очернить и без того не самое белое имя конкурента, который имел несчастье что-то нелицеприятное брякнуть в его адрес, либо банально увел телку. Знаете, как было в школе, когда ученики писали про обидчиков гадости в туалете, типа «Соколов Колька – мудака и говноед»? Так вот теперь школьники подросли и используют в качестве стен туалета средства массовой информации. Последние, впрочем, давно и без них превратились в сортир, но это уже другая история. В общем, спасибо Ольге, еще раз (хотя эта сучка еще и комиссию с меня и с заказчика сшибет). Тем не менее потратить три часа времени, сдобренного двумя-тремястами граммами виски, выслушивая чужой тщеславный бред, не самый сложный труд, согласитесь? Особенно имея в виду заработок в полтинник грина. Меньшие проекты Ольга, как правило, не предлагала. В целом сделка обещала быть легкой...

Я сел за стол, вытащил из портфеля «Ведомости» и принялся разглядывать телок за барной стойкой, раздумывая параллельно над тем, что заказать. Виски или все-таки воду? С одной стороны, встреча деловая. С другой стороны, я человек творческой профессии, практически художник, а, следовательно, в этом статусе можно начать деловой разговор и с виски. Я поднял руку, подзывая официанта, и уже было открыл рот, чтобы сделать заказ, когда услышал сзади довольно приятный мужской голос:

– Два Dewars, будьте добры. Лед и воду отдельно. И меню, пожалуйста.

Официант кивнул и исчез. Я повернулся и увидел стоящего за моей спиной мужика лет пятидесяти-шестидесяти, находящегося в довольно хорошей форме. Мужик имел здоровый цвет лица, седые волосы, расчесанные на аккуратный левый пробор и пронзительные голубые глаза, из тех, что бывают у чекистов в чине, либо у старых советских диссидентов. Между которыми, случается, иногда нет никакой разницы, имея в виду тот факт, что одни на Лубянке работали, а другие эту самую Лубянку часто посещали. В свободное от борьбы с коммунизмом время.

Одет он был в темно-синий двубортный костюм в полоску, хорошего кроя, белую рубашку, синий галстук и платок в тон к нему. Причем платок нарочито небрежно торчал из кармана розеткой. В руках у мужика был журнал «WHERE in Moscow». То ли иностранец, то ли стареющий плейбой, посещающий места для съема в целях поддержания бывшего имиджа ловеласа.

– Я знаю, что вы предпочитаете Chivas, тем не менее я взял на себя смелость заказать восемнадцатилетний Dewars, который, как мне кажется, более подходит для встречи двух джентльменов. Вы не против?

– (Типа «взял на эффектный прием». Интересно, ему про Chivas Ольга сказала или справки навел.) Да, в общем... в общем, не против.

– Ну и отлично. Позвольте представиться – Вербицкий Аркадий Яковлевич, – протянул мне руку мужик и улыбнулся.

– Очень приятно (Интересно, сколько ты дантисту платишь.). – Я пожал руку и достал из кармана визитку. Мужик взял ее, мельком глянул и положил во внутренний карман.

– У меня, к сожалению, нет. Я человек старомодный, знаете ли. Вырос и сформировался в советской среде, а тогда какие визитки были? Что на них можно было написать? Старший научный сотрудник? Кандидат наук? Так в то время каждый приличный человек подобные регалии имел. Да и работали все тогда в одном предприятии – Советском Союзе. А я с тех пор чинов не нажил и остался, в сущности, тем же научным сотрудником. Пусть и старшим. Так что незачем они мне.

– Я, Аркадий Яковлевич, вас очень хорошо понимаю. Сам, признаться, к этой англосаксонской традиции пиетета не испытываю. Скорее, дань окружающим. Мне звонила...

– ...Ольга.

– Именно. Но не уточнила, с кем именно будет встреча. Поэтому...

– Я был в Лондоне в то время и не рассчитывал вернуться, я был уверен, что встретиться с вами от моего имени будет мой сотрудник, но, к счастью, успел прилететь сам. Полагаю, мы хорошо побеседуем и поужинаем.

– Я в этом уверен, Аркадий Яковлевич.

– Вот и славно, – ответил Вербицкий и открыл меню.

Пока мы изучали меню, я думал о том, что Ольга в этот раз все-таки ошиблась. Или рынок вконец измельчал. Мужик явно возглавлял какую-то правозащитную организацию. Знаете, из тех, что вовремя подсутились и слиняли за границу, выбив у международных правозащитников гранты на поддержку свободы слова или построения гражданского общества в России. «В Лондоне он был в то время». Индюк. Сам-то в Лондоне сидишь, пользуясь халявными бабками, а в России на тебя работает пара десятков престарелых бывших диссидентов за три рубля или за идею, пока ты отжигашь с молодыми тайками или филиппинками. А сейчас, видать, припекло, и ты приперся в рашку, чтобы построить новую химеру. А то под старые схемы в виде митингов старушек бабки уже не дают. Да...

– Вы не знаете, Антон, что здесь, так сказать, фирменное блюдо?

– Девушки, – широко улыбнулся я, – возьмите рыбу на гриле, в любом случае не отравитесь.

– Спасибо, – кивнул Вербицкий и снова уставился в меню.

...да... понеслись прелюдии «я человек старомодный». Чо тогда приехал, на старости-то лет? Доживал бы на Темзе. Или не хватает уже на Темзу? Сейчас начнется. Сначала длинный монолог о ситуации в России, глазами практически иностранца, потом про ее собственный путь, потом «но все-таки есть еще свободные люди», а закончим на «не согласитесь ли вы, Антон, как русский интеллигент, помочь будущему своей страны, организовав в прессе...». И все это под соусом «как вы понимаете, бюджеты у нас ограничены, но мы можем говорить о трех... нет, даже пяти тысячах». А то и за идею попытается развести, старый жулик. Ольга, Ольга. Какая же ты дура. Чем же тебя он развел?

После того, как мы заказали еду, я демонстративно посмотрел на часы, давая понять старперу, что времени выслушивать его бредни у меня нет и развести меня на работу за идею вряд ли получится.

– Понимая, что вы человек занятой, Антон, постараюсь сразу к делу. (Да уж давно пора.)

– Что вы, Аркадий Яковлевич, я никуда не тороплюсь, – я скорчил такую извиняющуюся рожу, посылая ясный сигнал, что еще час назад должен был быть в другом месте.

– Знаете, Антон, а я ведь довольно давно слежу за вашими работами и, признаться, являюсь вашим давним поклонником. (О, да! Стоит ли говорить об этом?)

– Аркадий Яковлевич, мне даже неловко. Я себя чувствую, как провинциальный писатель на встрече с поклонниками.

– Вы не ерничайте, Антон, не ерничайте. Я вас старше практически вдвое и знаю, о чем говорю. Во все времена талантливых людей было мало. И я с некоторых пор решил, что талантливым людям нужно непременно помогать. В меру возможностей.

– Вы, виноват, благотворительностью занимаетесь? – игриво спросил я.

– Нет, не занимаюсь – довольно сухо ответил Вербицкий.

– Тогда, может быть, грантами заведуете или из телепередачи «Алло, мы ищем таланты»?

– Нет, грантов у меня, к сожалению нет. Впрочем, как и программы. Хотя я и отношу себя к работникам СМИ, некоторым образом. (Значит, денег все-таки нет, только идея.)

– А к работникам каких именно СМИ? Радио, телевидение, Интернет, тактические медиа?

– Тактические? Интересное какое словечко. Это из модных?

– Вроде того.

– Надо запомнить. Я работник не тактических, но просто медиа. Меня интересует медиа в целом.

– Понимаю (Ага. Мастер-фломастер. Мне что плитку положить, что человека.)

– Так вот, повторяю. Я слежу за вашим творчеством давно, с тех пор, как вы провели избирательную кампанию мэра в Самаре. Потом этот алюминиевый проект. Я видел всю вашу деятельность за последние два года. К примеру, дело с нефтеперерабатывающим заводом этих ребят, как их... ну... гангстеров новых. Неважно. Особенно мне понравилось, как вы умудрились втянуть в комбинацию экологов, тогда как все ждали, что основной акцент будет на противоборстве местных чиновников с центром...

– Вау! Да у вас целое досье на меня.

– Я продолжу тем не менее. Как видно, в последний год работы у вас не то чтобы много? Рынок политического лобби практически исчез, после последних Думских выборов, мелкие сделки с темными бизнесменами не слишком прибыльны. Что осталось? Региональные князьки? Мэры городов русских? Тактика заказных «блоков» для бизнеса? Сбор и продажа компромата? А вы ведь уже не «юноша бледный». Хочется чего-то большого, правда, Антон? Чего-то значимого. Настоящей, большой игры?

– Я полагаю, вы приехали предложить мне пост главы предвыборного штаба Путина или штаба кандидата от лейбористской партии на пост премьера?

– Мне ясен ваш скепсис, Антон. Вы, вероятно, думаете, что я приехал агитировать вас помочь русским правозащитникам сделать сайт в Интернете или возглавить организацию митингов оппозиции. Знаете, такой престарелый эмиссар с сотней фунтов на представительские расходы в кармане.

– Нет, что вы, и в мыслях нет. Я думаю, что речь пойдет о БОЛЬШОЙ ИГРЕ. Иначе, зачем вам было из Лондона лететь?

– Да уж побольше, чем ваша идея журнала для истеблишмента с диссидентским уклоном, который вы думаете беглым олигархам продать. Или проекта по организации лобби за возобновление импорта грузинского вина в Россию.

Вилка уже практически падала из моих рук, но я довольно ловко удержал ее, обтер губы салфеткой и весьма безразличным, как мне показалось, тоном ответил:

– А рыба у них действительно вкусная.

Информированность Вербицкого о моих проектах, которые и проектами-то еще нельзя было назвать, была наотмашь.

– По сценарию плохого американского боевика мне следовало бы ответить, что я предпочитаю мясо с кровью, но у меня, к сожалению, гастрит. Вы так вцепились в вилку, Антон, будто намереваетесь меня убить ею. Прямо какой-то укол зонтиком получается. А хороших работодателей не убивают. К ним идут работать.

– А вы хороший работодатель?

– Я? Безусловно. Я отличный работодатель, великолепный такой работодатель. Потрясающий работодатель. Из тех, что встречаются раз в четыре года, в канун президентских выборов. Вы же интернетчик? Помните известную повесть сетевого писателя Сумерка Богов «Сон Темы Лебедева»?

– Значит, все-таки глава Путинского штаба, – вяло попытался отшутиться я.

– Если вы о «Комитете Третьего Срока», так уже опоздали. У него уже есть глава.

– Кто? Сумерк Богов?

– Антон, может быть, настроимся на более серьезный лад? У нас не так много времени?

– А что? Сумерк ведет личный дневник в Интернете, пишет там каждый день «Путичка, иди на третий срок, мы за тебя». Вот я и подумал – пока я произношу весь этот бред, в моей голове лихорадочно пульсируют два вопроса: Кто он? Чего он от меня хочет?

– На то Сумерк и писатель, чтобы писать. Так вот, Антон, возвращаясь к началу разговора. Я не случайно сказал, что пытаюсь искренне поддерживать талантливых творческих людей. Все, чем мы занимаемся, имеет отношение к искусству или, скорее, к шоу-бизнесу.

– Кто мы?

– Медийщики. Как я уже сказал, вы кажетесь мне человеком талантливым. Более того, вы кажетесь мне именно тем, кто мне нужен.

– Кто же вам нужен, Аркадий Яковлевич? – я поменял тональность и начал говорить в подчеркнуто уважительном тоне в надежде отказаться без последствий, в случае чего.

– Мне нужен продюсер.

– Кто?

– Мне нужен медиапродюсер. Молодой человек с ясными мозгами, опытом, желанием играть в Большую игру и получать за это хорошие деньги. Например, пятьдесят тысяч долларов США в месяц. Так сказать, на испытательный срок.

– А что...

– Не включая бюджеты на проекты и представительские, разумеется.

– А что он должен делать?

– Постойте, не торопитесь. Давайте сначала проясним некоторые идеологические моменты.

– С удовольствием.

– Вы работали у Павловского, в ФЭПе. Сменили работу четыре года назад. Информации на этот счет у меня мало. То ли вы сами, то ли вас «ушли». Не суть. В связи с этим у меня вопрос: какие у вас убеждения, Антон?

– Вы знаете, Аркадий Яковлевич, на сегодняшний день я убежден в одном. В том, что бармены виски не доливают во всех, без исключения, московских заведениях.

– Я вам больше скажу. Вы думаете, что вы пьете виски, потому что у вас в меню написано, что это виски, и потому что люди за соседними столами наслаждаются виски. Хотя не исключено, что все мы тут пьем не виски, а бурду, попав под обаяние рекламы коммерческих брендов Chivas или Johnny Walker, называющих свой продукт виски. Реклама рождает любые образы. Тем не менее, Антон, я переформулирую вопрос. Как вы относитесь к существующему режиму? Что вы думаете о проблеме третьего срока?

– Аркадий Яковлевич. Если честно, то я никак не отношусь к существующему режиму. Раньше относился, а теперь в свободном плавании. А о проблеме третьего срока я думаю вот что: если он таки состоится, то я буду заниматься шняжными низкобюджетными проектами еще, как минимум, четыре года. Тогда как я хочу заниматься рынком политических технологий.

– Здравая позиция, Антон. Еще вопрос. А как вы относитесь к другой стороне баррикад? Можете назвать это оппозицией, можете просто назвать это «другой Россией», это неважно.

– Пока не отношусь. Особых претензий у меня к ним нет, впрочем, как и особенно теплых чувств. У них своих технологов хватает. Одну могу сказать – там все очень разрозненно, а я не хочу отвечать за один из проектов. Особенно в ситуации, когда левая рука не знает, что делает правая.

– То есть, если я правильно вас понял, вам все равно, на кого работать, чьи интересы представлять, главное, чтобы деньги платили?

– У меня встречный вопрос. А чьи интересы представляете вы?

– Разных людей, – Вербицкий задумался, – очень разных. В принципе, они все очень похожи, только говорить друг с другом не умеют. Учатся. Я как раз отвечаю за то, чтобы левая нога и правая нога делали одно дело. Исходя из того, что задумает центр.

– То есть вы Голова?

– Голова, Антон, бывает в казачьем войске. Я же сказал вам, я сотрудник. Старший научный сотрудник. Так что с моим вопросом? Все равно или нет?

– Я... понимаете... мне не то, чтобы совсем все равно, но без фанатизма. Я умирать за идею не готов. Но и с голоду тоже. Вы знаете, – я несколько раз щелкаю пальцами, – я сторонник рационального либерализма. То есть я всецело за построение в России гражданского общества и борьбу с тоталитаризмом, но чтоб при этом бабки достойные платили. Я не очень путано излагаю?

– Куда уж яснее – Вербицкий расхохотался – но, все-таки, скажите, Антон. У каждого, помимо материальных ценностей, есть еще ценности духовные. Что-то такое, что заставляет тебя делать выбор политического лагеря. Это не идеология, нет. Это что-то внутри. Очень сильное чувство. Например, увлеченность, цель или любовь. Да! Хорошая формулировка. Например, есть достаточно большая часть избирателей, которая любит в своем кандидате какую-то черту. Или любит самого кандидата. У вас есть что-то такое?

– Ууупс! Есть и еще какое! Только не правы вы тут, Аркадий Яковлевич. У меня чувство будет по сильнее чувств неведомых мне избирателей. Не любовь, нет. У меня есть ненависть.

– Интересно...

– Да, ненависть. К тем, с кем я когда-то работал вместе. К тем, кто думает, что они умнее меня. А цель и увлеченность у меня как раз имеются.

– Какие же, если не секрет, Антон? Это очень важно.

– Цель одна – я хочу совершенствоваться в работе медиа. Потому что я очень сильно увлечен ею.

Вербицкий достал сигарету и закурил. Я тоже. Минут пять мы сидели в полной тишине, и я начал уж было подумывать о том, что ляпнул лишнего или вообще сказал не то, что от меня ожидали. Внезапно Вербицкий сказал, глядя в окно:

– Вы знаете, Антон, я тоже всегда был уверен, что ненависть – как раз таки не деструктивное, а созидательное чувство... Мне кажется, что у нас получится работать вместе. Так вы согласны стать продюсером?

– Я могу подумать?

– Конечно, – Вербицкий улыбнулся, дав понять, что только дураки могут раздумывать над его предложениями, – Сколько вам нужно времени?

Вероятно, моя последняя фраза была лишней. Обдумывать тут в принципе было нечего:

– В общем, не очень много...

– Вот и отлично. Значит, завтра приезжайте ко мне в одиннадцать, познакомимся поближе. Пишите адрес.

Продиктовав адрес, он подозвал официанта, расплатился, встал из-за стола и начал прощаться:

– Спасибо, что нашли время встретиться со мной. Я пойду, а вы тут посидите, посмотрите в окно. Сейчас внутреннее освещение приглушат, и откроется потрясающий вид ночной Москвы. До свидания. Да, кстати. Предположение о том, что мы пьем бурду, навязанную нам рекламой, – фантазмагория лишь отчасти. Именно поэтому я предпочитаю менее раскрученный классический Dewars. Кстати, как он вам?

– Великолепно.

– Отлично. Антон, можно личный вопрос?

– Пожалуйста, сколько угодно.

– Это правда, что вас уволили из ФЭПа за то, что вы копировали речи Геббельса, придавая им современное звучание?

Я на секунду задумался, затем медленно, для придания этой фразе большей значимости, заговорил, смотря чуть поверх головы Вербицкого:

– Гения пропаганды трудно копировать. И незачем. Потому что доктор Геббельс всегда современен, как показывает история.

– Интересная точка зрения. Я, признаться, так и думал.

...После того, как Вербицкий ушел, я подошел к выгнутому окну и стал разглядывать вечерний город, оживавший тем самым «московских окон негасимым светом». В это время горожане возвращались домой – кто с работы, кто из кино или ресторана, или просто из гостей. Некоторые из них возвращались домой со свадьбы друзей или с торжеств, посвященных рождению ребенка. Иные – с похорон или поминок. Они заходили в свои квартиры в совершенно разном настроении и самочувствии: усталые и грустные, жизнерадостные и веселые, раздраженные и благодушные. В общем, у каждого из них было собственное состояние души. Объединяло их одно – каждый входивший, спустя полчаса или меньше после попадания домой, включал телевизор, радио или залезал в Интернет. В этот момент он больше не являлся индивидуумом – он становился аудиторией. Всех их – таких разных, озабоченных своими проблемами, разделенных барьерами убеждений, религий, национальностей и языков – всех их объединила МЕДИА.

Во все времена ни одна партия, общественная организация, секта, религиозная конфессия или мультинациональная корпорация не обладала столь мощным объединяющим ресурсом. И дело здесь не в какой-то особой идее или новых средствах коммуникаций, а в том, что медиа сумела предложить людям что-то большее. Она предлагала всем им не просто ЗРЕЛИЩЕ, она дарила им ДРУГУЮ ЖИЗНЬ.

Я смотрел на ночную Москву и любовался загорающимися тут и там окнами. В какой-то момент мне показалось, что окна загораются не хаотично, а следуя какой-то годами установленной схеме. Такое впечатление, что они вспыхивали волнами, подобно тому как бывает, если кинуть камень в лужу. Круги, вызванные им, разбегаются от центра лужи сначала часто-часто, а потом все тише и тише, пока не успокоятся совсем. Почти как московские окна под утро. Я попытался найти точку падения этого пресловутого камня. Огни были разных цветов, но чем дальше я глядел на них, тем яснее становилось то, что доминирующий цвет – голубой. Казалось, что я смотрю на сотни тысяч мерцающих в ночи телевизоров. В самом деле, если исходить из этого, становится понятно, где находится эпицентр этих «кругов на воде». Он был где-то в районе северо-востока Москвы. Там, где стоит Останкинская башня...

Весь город смотрел на меня огнями телевизоров! Они были всюду на том пространстве, которое мог охватить глаз. На западе, востоке, севере, юге. И только ближе к центру города голубой свет постепенно мерк. Возможно, оттого, что я не мог проникнуть взором так далеко. Возможно, оттого, что в центре голубой свет встречался с более сильным светом.

Светом Кремлевских Звезд. Интересно, подумал я, у них там что, телевизор не смотрят? Такая версия представилась мне самой логичной.

Я допил виски, поставил стакан на стол и пошел к выходу. На первом этаже, в районе ресепшн-деска, я заметил скопление людей перед висющим на стене телевизором. Все входившие в гостиницу и все выходящие из лифтовых холлов замедляли шаг и поворачивали головы в сторону телевизора. Он транслировал выступление президента. Я подошел ближе и услышал, как Путин говорил о том, что с сегодняшнего дня российские спецслужбы получили право убивать особо опасных преступников, находящихся в федеральном розыске, даже за рубежами России. Услышав это, многие захлопали в ладоши.

Я покинул гостиницу и сел в такси. Уже подъезжая к дому, в голову мне пришла мысль о том, что синий цвет мерк ближе к центру города вовсе не из-за того, что там было меньше телевизоров. Просто в районе нахождения этих пресловутых красных точек находился другой эпицентр, чьи импульсы были пусть и не такие зримые, как у Останкинской башни, зато более сильные.

Выйдя из такси, я закурил сигарету и начал думать о том, что бывает, когда сталкиваются волны, исходящие от разных эпицентров? Кажется, физика учит тому, что, в конце концов, волны более сильного свойства поглощают более слабый эпицентр. Какая же из башен сильнее?

Я выбросил сигарету и потянул на себя дверь подъезда. Последнее, что пришло мне в голову, была мысль о том, что в жизни мне все же нужно выбрать какое-то одно занятие: либо медиа, либо конспирологию.

«ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ»

На следующий день, в половине одиннадцатого утра, я стоял перед подъездом трехэтажного дома с облезшей местами краской.

Вход в единственный подъезд украшала медная табличка:

Общественная организация
«Возвращение к Истокам»
Литература, искусство, историческое наследие.
Молодежное отделение

Прокрутив в голове все ассоциации, рожденные табличкой, я не нашел ничего близкого мне, кроме водки «Исток», которую, впрочем, и не пил никогда. Я постоял на крыльце, сплунул через левое плечо и зашел внутрь.

– Вы к кому? – раздался дребезжащий голос, исходящий, казалось, из ниоткуда.

– Я? Я в организацию... «к истокам»... – повернув голову я заметил в углу столик, за которым сидел вахтер лет семидесяти, похожий на чудом выжившую после переезда велосипедом лягушку.

– Я Дроздилов. На встречу к Вербицкому.

– Обождите, – сказал вахтер и поднял телефонную трубку – Дроздилов пришел. Ага. Проходите налево.

«Молодежное отделение». Судя по вахтеру, у Вербицкого с юмором порядок. Или, может быть, на вахтера просто свет неудачно падал? Повернул налево и оказался перед железной дверью с видеодомофоном. Я позвонил и дернул дверь на себя, услышав зуммер. За дверью оказался лифтовой холл с металлической рамой и четырьмя охранниками. Пройдя через раму, я протянул паспорт одному из них, прошел дополнительную обработку ручным металлоискателем, и после того, как старший охранник поговорил по рации, меня пропустили к лифтам.

«А молодежь-то всерьез литературой и наследием интересуется. Не иначе они нашли, наконец, библиотеку Ивана Грозного и сюда привезли», – сопоставил я количество охранников с возможной стоимостью культурных ценностей в области литературы и исторического наследия. Убрав калькулятор я продолжал исследовать помещение.

– Вам на четвертый этаж, – сказал мне напоследок охранник.

– Какой четвертый, тут же три всего?

– Снаружи всегда так кажется. А внутри оно не то, что снаружи, – ответил охранник, чем поверг меня в глубокое недоумение.

Выйдя из лифта, я увидел сухощавого мужчину в хорошем костюме, который сразу направился ко мне, протянул руку и представился Алексеевым Александром Петровичем, сказав, что будет меня сопровождать.

Через весь этаж проходил длинный коридор, в который выходили двери пяти или шести кабинетов, что делало пространство похожим на планировку советских школ типовой застройки, только без рекреаций. С одной стороны коридор упирался в холл с лифтами и лестницами, с другой – в стеклянную дверь, за которой сидел еще один охранник. Там, вероятно, располагались офисы старших товарищей.

– Что, Антон Геннадьевич? С чего начнем экскурсию? Может быть, пойдем напрямиком по кабинетам, знакомиться?

– А давайте лучше покурим пойдем?

– Я не курю, – сухо ответил он.

– А я курю. Много.

– Как скажете, – пожал плечами Алексеев, глядя на часы. Тем самым он, наверное, пытался продемонстрировать мне, что негоже терять время на ерунду в первый мой рабочий день. Но мне его намеки были сугубо до фонаря, потому что курить-то я как раз и не хотел.

Очевидно, что только очень наивный человек начнет знакомство с новым коллективом с дурацкой церемонии представления. Как правило, она совершенно неинформативна и ничего, кроме траты времени, не преследует. Я четко представил, как Алексеев начнет водить меня за собой по комнатам, словно корову на веревке, ставить в центр кабинета, говорить дежурные слова, а я буду переминаться с ноги на ногу, под оценивающие взгляды будущих подчиненных, чтобы в конце этой клоунады промямливать что-то типа «я уверен, мы хорошо поработаем» или понести оправдательно-вводную ахиною «мы с вами одной крови», «я довольно давно в профессиональных СМИ, как и все вы».

Приходя на руководящие должности в новый коллектив, не стоит тут же бросаться по кабинетам, жать руки всем, до последней уборщицы, пытаться вникнуть в суть обязанностей каждого, меняться визитными карточками, лицемерно улыбаясь и приговаривать извиняющимся тоном «у меня, хи-хи, своих пока нет, хи-хи». Во-первых, имена всех вы по любому не запомните, во-вторых, запомнить вы и не пытаетесь, в-третьих, сразу держите в голове факт того, что большую часть всех тех, кому вы сегодня жали руки, вам придется уволить к чертям. Не исключено, что в один день и наверняка без выходного пособия. Объясняется это тем, что, коль скоро вас пригласили возглавить направление за хорошие бабки, значит, ваш предшественник справлялся плохо. Может быть, даже все развалил. А сотрудинок его, тех еще баранов, вам придется сменить своей командой. Потому что гораздо легче прийти на царство со своими стрельцами, привыкшими к вашей манере руководить, нежели переучивать прежних.

Посему, если вы хотите узнать, чем дышит контора, – посетите сначала курилку, потом туалет. Там вы узнаете, насколько болтливы секретарши, ленивы водители, завистливы коллеги, тупы подчиненные и прочая, и прочая. Заодно возьмете на карандаш всех теневого лидера коллектива, заботливых мамаш, «сынов полка», агнцев на закланье и милых телок, готовых отдаться вам «за помощь», в случае их тотальной неудачи в новом проекте.

В курилке стояли трое. Двое увлеченных диалогом пятидесятилетних мужиков, в костюмах одинаковой серой расцветки и рубашках с замусоленными воротниками. Один из них – худой, со всклокоченными «а-ля Венедиктов» волосами, дополнял свой гардероб галстуком в серо-красную диагональ и парой значков неведомых мне организаций. Второй, напротив, был весьма тучный человек в очках, с короткой стрижкой и аккуратно подстриженной бородой. Этот носил свитер под пиджаком и держал под мышкой журнал. Кажется, «Профиль». Третьей в их компании была тетка без возраста, в черном деловом костюме, которая курила через мундштук отвратительно воняющую сигарету и смотрела на собеседников через толстые стекла очков, изредка вставляя свои замечания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.